

Сон Михаила Булгакова
Пьеса в пяти действиях

Авторы: Екатерина Войнова, Михаил Сосновский

Действующие лица:

Михаил Афанасьевич Булгаков.
Рудольф, он же Незнакомец из темноты.
Татьяна, первая жена Булгакова.
Любовь Белозерская, вторая жена Булгакова.
Елена Сергеевна Шилова, третья жена Булгакова.
Федор Андреевич, заведующий литературной частью МХАТ.
Бомбардиров, актер МХАТа.
Василий, арендодатель.
Мухин, следователь.
Семеновна, соседка Булгакова по коммуналке.
Федор, сосед Булгакова по коммуналке.
Настя, жена Федора.
Милиционер.
Михаил (наши дни).
Елена (наши дни).
Он и она, персонажи в сознании Елены.

Действие первое

Место первого действия: Библиотека.

Картина первая

В опустевшем зале библиотеки сидит молодой человек, Михаил; Вокруг него разложены разные книги, письма, публикации, документы; перед ним - его планшетный компьютер. Вокруг него никого. Рядом начинает вибрировать его телефон.

Михаил. Да... *(Слушает)*. Нет, я в ночной библиотеке... Не вру! Ночная библиотека на чистопрудном бульваре!... *(Слушает)* Какой еще Рудольф на пианино на чердаке!... У меня выходной... Я не могу больше писать о сумасшедших, о прорванных трубах в подвалах, о ста кошках, которые мешают жить всем соседям и прочей ереси... Да, плохой журналист. Да... Надо так сказать? ... Все понимаю... У меня выходной, в конце концов! *(Слушает и морщится)*. Все понимаю, но и вы меня поймите!.. Поймите, мне нужно закончить свой роман - мне осталось дописать буквально последние строчки последней главы... Я его не мог закончить долгое время, а как написал в свое время Булгаков, про которого, я, кстати, и пишу: "невозможность писать для меня равносильна погребению заживо". ... *(Слушает и морщится)*. Осталось лишить меня премии! ...*(Вздыхает)*. Да, и я, когда начинал работать, тоже хотел, чтобы все было по-другому... *(Вздыхает)*. ...Да какой я оригинальный, я просто устал!! Все!.. Делайте, что хотите *(слушает, вздыхает, отключает телефон)*.

Михаил оглядывается по сторонам - вокруг никого; Смотрит в свои записи.

Так, последнюю главу назову «Маргарита». *(Пишет)* Елена Сергеевна Шилова умерла в 1970 году, и похоронили её рядом с Булгаковым. Над ними теперь цветут ее любимые цветы... *(Задумывается)* А, теперь, послесловие, финальные аккорды. *(Пишет)* Для себя я, наконец, понял, что такое «мистика». Это оказалась любовь... Вера с любовью в свое дело... бесконечное его сопереживания внутри себя... И пусть для меня это воплощения мысли на бумаге...

Михаил оглядывается по сторонам - вокруг никого; продолжает набирать текст.
... Дело мое сблизило меня с той, о которой я так долго мечтал». Точно! Вот так и закончу. Все. Конец. *(Дописывает)* 29 апреля 2015 года, город Москва.

Михаил опускает голову на книги и засыпает.

В опустевшем зале библиотеки появляется девушка. Она удивленно смотрит на Михаила и подходит ближе.

Елена (растерянно). Хм, как странно... и именно сегодня!

Елена смотрит на Михаила и подходит ближе к нему, спящему. Михаил начинает болезненно морщиться во сне.

Елена. Да... мистика. Может мне оставить всё?.. И прямо сейчас (смотрит в сторону выхода).

Вдруг Михаил резко просыпается... Он видит перед собой девушку и от неожиданности вскакивает, задев книги и свой пакет. Со стола падает книга и из пакета выпадают бутерброды. Михаил застывает на месте. Елена смотрит на его упавшую книгу.

Елена (смеётся). Какая встреча неожиданная!.. (поднимает упавшую книгу) И такое совпадение - ты тоже читаешь про Булгакова! Ту же книгу, что и я (показывает ему свою книгу). Привет, кстати (смеётся). Сто лет не виделись!

Михаил, пытаясь скрыть волнение, растерянно ищет руками очки.

Михаил (растерянно ищет руками очки). Что... что...

Пауза

Елена. Что?.. Ты меня не узнаёшь??!.. (Смеётся).

Михаил. Я?.. я плохо.. очень плохо вижу без очков, но... как же... как же... Как же не узнаю!!! Ты... что... что ты здесь делаешь?! (Надевает очки).

Елена (смеётся). Книжку читаю – это же библиотека.

Пауза. Смотрят друг на друга.

Елена. Ну что, узнаёшь? Ты так внимательно смотришь на меня. Я вроде не сильно изменилась (смеётся).

Михаил. Ты... ты... ты, тот человек, которого я хотел сделать счас-счаст- счастливым..

Елена. О Боже, заикаться стал...

Михаил. Да... нет. Я просто... Ну, не... немного устал... Устал и... Знаешь, я много раз...А, неважно...

Елена. Бутерброды... (указывает на упавшие бутерброды).

Михаил. Да... сейчас (быстро складывает их в пакет). Выбросить нужно... ну, потом... (в волнении засовывает пакет под стол). На улице голубям скормлю... Голубям! Ха-ха... Присядешь?..

Елена (продолжает стоять). Так что ты много раз?..

Михаил. Я?.. Ну, я много раз представлял нашу встречу и что скажу. Готовил ответы на самые разные твои вопросы... Присядешь? Пожалуйста!

Елена (садится). А я, представляешь, решила наконец-таки взяться за инсценировку дневников жен Булгакова. Ты же помнишь, я давно уже это задумала. Но я даже не думала, что со мной сразу начнут происходить мистические вещи. И вот, снова встречаю тебя здесь и опять с этими книгами... так неожиданно...

Михаил. Мистика!

Елена. Не люблю мистику.

Елена задумчиво смотрит на дверь; он смотрит на неё.

Михаил (волнуясь). Нет-нет, я хотел сказать... ну, в твоих задумках всегда было что-то интересное... И... Ну, мы не зря сегодня встретились! У меня есть, возможно, нужный для тебя материал. Д-дело в том, что я вот почти за-закончил писать о жизни Булгакова, вот.. (Показывает ей на экран компьютера) Да, тот самый роман, п-помнишь? И я воплотил в нем многое из того, что я замыслил, когда мы с тобой гуляли долгими н-ночами... Ты еще хотела поступать в театральный и готовила репертуар для поступления. И читала мне отрывок про Маргариту... Ну, как ей снился мастер.

Елена. Я часто вспоминаю тот отрывок про Маргариту, и как я тебе тогда читала...Я тогда читала этот отрывок именно, как абитуриентка театрального института (смеётся).

Михаил (*внимательно смотрит на неё*) Как-то мы повернули с Тверской в переулок, и ты мне читала свои стихи ...

Ли-ли-лирика в-вчерашних ожиданий

Заострила диалоги в снах

Елена. Ой, это лучше не вспоминай! Я выбросила свои старые стихи...

Михаил (*задумчиво*). Я помню каждое твоё слово... Почти пять лет прошло с тех пор. Да... И вот как написано в книге И.. ио...

Елена. В какой книге?

Михаил. Иова. "Как о воде протекшей будешь вспоминать"... Всё проходит. Ничего не проходит! Ты вот всё смеёшься, но, знаешь, я помню, что у тебя тогда было другое выражение глаз... В них не было такого одиночества, как сейчас!...

Елена. Ты находишь или тебя просто задевает мой смех?.. (*Смеётся*) Не отвечай, это не важно, главное, что ты не изменился! Я рада, что ты пишешь.

Михаил. Я, знаешь, переписал многое из того, что тебе тогда читал... Оставил только сон про Любовь...

Елена. Про Белозерскую?.. Да уж... Ну, очень занятно, что я встретила тебя с материалом на интересную мне тему... Могу я взглянуть?

Михаил (*подвигает к ней экран своего планшетника*). Вот, пожалуйста! Ты можешь не только взглянуть, но и использовать отсюда всё, что тебе нужно. Потому что...

Елена вопросительно смотрит на Михаила, он смущенно замолкает.

Елена переводит взгляд на экран и начинает читать

Ты, конечно, как внучка издателя с первых слов всё для себя поймешь и, возможно, разложишь меня...

Елена холодно смотрит на Михаила и продолжает читать

Михаил (*горько усмехается*). Внучка издателя... Ну, конечно, я помню, как ты мне говорила, что каждый день в издательство звонят и приходят авторы. Многие с первого взгляда порядочные и хорошие люди. Но подчас берешь их тексты и падаешь в обморок.

Елена. Ты действительно не изменился... Думаешь мне нужно тебя оценивать?

Михаил. Конечно! Ты вообще никогда не оценивала меня! И твой дед тоже... Он просто сказал, что мне нужна престижная работа. Он же издатель. А кто я?.. Я все помню... А, между прочим! Нет...

Елена. Ты такой же ироничный, как и раньше...

Она отодвигает от себя планшет и задумчиво смотрит в сторону.

Михаил. Ты знаешь, а может... Нет, я, кажется, я не то говорю. Я, ка-кажется, смогу объяснить твоему издателю дедушки, что я себя не на улице нашел. Не сплю я в одном ботинке, как он говорит. Я, да, опубликую свой роман.

Елена (*Решительно встаёт*). Я тебе кое-что должна показать... Поехали, у меня для тебя кое-что есть.

Михаил. Что? Обещанный пять лет назад пирог? Или, может, мамины макароны, дранники? Мама твоя любила меня подкармливать... Я как вспоминаю то время... И что ты во мне тогда нашла?... Все это сладким сном...

Елена. Нет. Ни пирог. Мастерская. Неважно (*поспешно складывает свои книги*).

Михаил. Что за мастерская?

Елена. Комнатки в подвале особнячка, в которых всегда сумерки из-за сирени и забора...

Михаил. Ты серьезно или просто сейчас цитируешь строки из Мастера и Маргариты?..

Елена. Серьезно. Я арендую маленькую мастерскую в том переулке, где мы с тобой всегда гуляли... Ту мастерскую, о которой когда-то мечтали... Мне нужно репетиционное помещение, чтобы воплотить свои творческие задумки... Жаль, что в тебя сейчас говорит обида ... Мне сейчас вовсе не хочется выяснять отношения. Рада, что ты уже близок к осуществлению своей мечты. Всего доброго! (*Поспешно уходит*).

Михаил (*смотрит ей вслед*). А, может, и не надо было нам встречаться? Нет, я, кажется, не то говорю! (*Михаил рукой трет с силой себе лоб и глаза*)... Господи, помоги дать жизнь роману...

Михаил поспешно встаёт, хватая свой планшет, книги со стола и бежит за девушкой, спотыкаясь.

Подожди, пожалуйста, не уходи! (*Догоняет Елену*). Только не уходи, пожалуйста, снова!.. Прости меня. Просто я встретил тебя, и сразу же нахлынули воспоминания. Послушай!

Елена останавливается и выжидающе смотрит на Михаила.

Михаил. Вот (*опускает глаза экран*). Он остался один. Вокруг - ноябрьская тьма... раньше думал, что вьюга воет только в романах... (*нервно теребит планшетник*). Ему хочется убежать с это пункта... Нет, это малодушие. Ведь не для этого он учился на медицинском факультете... (*выразительно смотрит на девушку*) Да, он остался совсем один...

Елена. Булгаков остался один?

Михаил. И Булгаков тоже... Сны, сны часто погружали его в прошлое. Они словно вспышка освещали в грезах пережитые истории. Они не давали покоя и вновь прокручивали старые записи, как в кинотеатре. Ему снится Таня...

Елена. Татьяна Лаппа?

Михаил. Да, бывшая его супруга. Бывшая супруга... Вспышки освещают в грезах пережитые истории. Он закрывает глаза, сразу вспышка и ему снится она...

Пауза. Смотрят друг на друга. Затемнение. Вспышка. Затемнение.

Картина вторая

Булгаков лежит на кровати, рядом с ним Татьяна.

Булгаков (*пристально смотрит в темный угол и бормочет*). Посмотрев в потолок, она заметила маленькую точку... Эта точка приближалась всё ближе и ближе, превращаясь в маленькое чудище. Жена стала напрягать глаза, чтобы понять что это? И она увидела, о Боже, паук!

Из темного угла вдруг медленно появляется Незнакомец. Он выползает из темноты с рукописями и направляется к Булгакову, тот прижимается к жене.

Булгаков (*прижимается к жене*). Ааааа — закричала жена и устремилась к нему. Она хотела его сбить. А куда он упадет, все мы понимаем... — Паук! Паук!

Татьяна начинает прижимать к себе мужа, успокаивая его, как ребёнка. Незнакомец, как призрак, остаётся невидимым для неё

Незнакомец из темноты (*приближаясь к Булгакову*). Прекрасно пишете... С юмором...

Булгаков отворачивается от него, ещё больше прижимаясь к Татьяне. Незнакомец склоняется над кроватью Булгакова.

Проходил вчера мимо курилки, слышал, как красноармеец тосковал: Чтоб их разорвало с их юмором! На Кавказ заехали, и тут голову морочат!..

Булгаков накрывается одеялом с головой. Незнакомец забирается под его кровать и продолжает, лежа на полу, разговаривать с ним.

И все это о вас, Михаил Афанасьевич...

Михаил (*выглядывая из-под одеяла на жену*). Ты меня всегда спасала!

Татьяна поглаживает мужа по голове.

Татьяна. Ну, ну, кончилось это...

Михаил (*выглядывая из-под одеяла на пол*). Меня ждут, ты видишь. Он не уходит...

Татьяна. Всё прошло... не поддавайся этому. И пойми, нельзя шутить... с ними... ну, с теми силами... тёмными. (*Укачивает мужа как ребенка*) ... всё прошло... всё прошло. (*Закрывает глаза и начинает раскачиваться из стороны в сторону*) ...Всю я Вязьму исходила...

Михаил (*успокаиваясь и закрывая глаза*). Вязьму...

Незнакомец пристально смотрит на Татьяну, та его не видит.

Татьяна. А ты прямо на улице стоишь, меня ждешь. ... Помнишь тот снимок перед смертью?.. Вот такое у тебя лицо было.

Михаил (*тяжело вздыхая*). Кончилось это... — опять начинается... Движение по кругу. Замкнутому кругу. Вырваться бы из него к солнцу! К солнцу!

Татьяна: Какое солнце, ну какое ещё солнце!!! Три года, три года ушло на борьбу с этим твоим солнцем... с ядом.

Михаил (*закрывает глаза*) Ходила ... ходила.

Татьяна. И ходила и бегала. Бегала от пуль, сутулясь. Неделями не спала в квартирах, где замерзала вода в стаканах... и всё леденело...

Михаил (*морицится*). Нет, не то... гуляли... по Киеву. Ты шла так... легко

Татьяна. И в Киеве всё ходила, ходила... по аптекам. В одну, в другую. Пробовала раз вместо морфия принести тебе дистиллированную воду, так ты этот шприц...

Михаил Афанасьевич (*резко перебивает*) Все это сон!...

Татьяна. И вот постепенно всё прошло...

Михаил Афанасьевич. Всё пройдет. Страдания, муки, кровь, голод и мор. Меч исчезнет, а вот звёзды останутся, когда и тени наших тел и дел не останется на земле.

Пауза

Помогает творчество...

Таня, положи мои рукописи сюда поближе

Татьяна берет рукописи на столе и кладет их на тумбочку

Михаил Афанасьевич: Почитай...

Татьяна (*читает*). Всё пройдет. Страдания, муки, кровь, голод и мор. Всё пройдет.

Действие второе

Действие происходит в московской квартире-мастерской, в разные эпохи: начало 21 столетия/ 20-е года 20 столетия

Картина первая

Михаил и Елена заходят в мастерскую. Михаил осматривается по сторонам.

Михаил. Всё проходит. Ничего не проходит!

Елена. Вот мастерская, о которой мы мечтали, хотели сочинять, работать здесь вместе...

Михаил (*смотрит по сторонам*). Ещё ме-мечтали жи-жить здесь. Ну, в этом переулке. Я тебе обещал, что когда-нибудь так и будет...

Елена. Да... только вот Москва - то место, где гениев много, а квартир мало.

Михаил. Квартир, может, и мало, а вот машин на дорогах много. Уже даже ночью пробки - час стояли. Откуда столько машин? Денег у людей теперь много?

Елена. Движение просто было перекрыто из-за кортежа президента.

Михаил. А вот Николай Второй ездил без охраны...

Елена смотрит на него внимательно, он смотрит на свои ботинки.

Елена. Да ты не волнуйся, располагайся! А пока я хочу показать тебе одну публикацию в газете (*Вынимает газету.*) Вот старая газета... здесь мое фото со съемочной площадки...

Михаил (*берет газету и читает вслух*). Это ты в шляпе с вуалью?

Елена. Да. В материале идет речь о так и не снятом фильме "Мастер и Маргарита".

Михаил (*берет газету и читает вслух*). Павильон, где должна была быть съемка сожжен. Никто не пострадал.

Елена. Кинокомпания не оплатила рабочим за установку декораций и они решили её сжечь... В результате, спалили весь павильон...

Михаил (*читает*). Съемки откладываются на неопределенный срок. Режиссер не выходит на связь несколько дней. Режиссер пропал?

Елена. Ну, режиссер тот - бывший охранник Максима Галкина, и для него это было рекламной акцией...

Михаил. Никто не понимает, что происходит. Продюсер картины "ММ" почему-то отправлен в сумасшедший дом.

Елена. Ну, на самом деле он просто переволновался и все...*(смеётся)*. Вот тебе и мистика.

Михаил. Ты должна была играть Маргариту?

Елена. Да, представляешь!.. Мой дед меня рекомендовал продюсеру и так все получилось. Ты же знаешь, как дорога была мне эта роль... я тебе всегда читала про Маргариту во время наших прогулок

Михаил. Тогда среди людей, машин на дороге, я отчетливо слышал каждое твоё слово...

Елена. Помнишь?.. «Проснувшись, Маргарита, не заплакала, как это было часто, потому что проснулась с предчувствием, что сегодня наконец что-то произойдёт». Шептала она, проснувшись, что сон её был вещий! Сон, который приснился Маргарите был необычен... Адское место для живого человека... И вот, вообразите, появляется он! *(трёт лоб рукой, вспоминая)* ... Оборван он... Не разберешь во что одет...*(трёт лоб рукой)*.

Михаил. Да уж... я... вот я слушал тебя тогда и тревожился, что когда-нибудь ты всё-таки уйдешь...

Елена. «Во время своих мучений она никогда не видела во сне мастера. А тут приснился. Маргарита по кочкам побежала к нему и в это время проснулась» ... После того, как стало понятно, что съемок не будет, я уехала в Америку учиться актерскому мастерству в школе ли Страсберга. Маргариту я так и не сыграла.

Михаил *(рассматривает газету)*. Ну, самых хороших и самых плохих актеров мы видим отнюдь не на сцене.

Елена. Опять иронизируешь... Знаешь, а ты мне снишься иногда.

Михаил. Прошу тебя... не говори мне т-такие вещи! *(Откладывает газету)*. Я всё понимаю... Стараниями твоего дедушки, ты должна была играть Маргариту. И кастинга даже не было, в Москве же всё делается через знакомых... и именно в тот период ты со мной и перестала резко общаться. Дедушка твой приложил все усилия, чтобы я...

Елена *(перебивает)*. Послушай, я болезненно переживала разрыв с тобой. Но разрыв не всегда означает конец, а часто бывает ступенькой для восхождения.

Михаил. А я тебе скажу вот что: Расставание — это тщательно спланированное покушение на человека: бомба закладывается в самое сердце, и от ее разрушительного взрыва нет спасения. Знаешь, я узнавал про тебя... я пы- пы-пытался поговорить с твоим дедом и выяснить твой адрес, чтобы приехать к тебе... Он только сказал, что перелет мне не по карману, и всё. А я нашел, н-нашел тогда деньги! Только вот адрес мне никто не д-дал. И номер ты с-сменила. Почему? Мне просто захотелось увидеться с тобой... Не отвечай, ладно, я в-всё понимаю. Хотя, ч-что я понимаю? Как говорил Ро- Ро- Ромен Ро-Роллан: разлука... *(трёт лоб, вспоминая)*. Всё. Довольно. Мне пора. Очень мило поговорили. Так неожиданно встретить тебя было... Ну, мне было хорошо... Всё, я уже сам не понимаю, что говорю! Твой дедушка был прав.

Михаил направляется к двери.

Елена. Подожди! Куда ты?.. Послушай, когда ты мне в машине читал начало той главы, где описывается приезд Булгакова в Москву, я увидела сцену из пьесы, которую я хочу записать... Почитай мне, почитай мне ещё, а я составлю из этого картину, хорошо? *(Подходит к Михаилу)* Ну, прости меня. Ты же холост?.. Впрочем, не отвечай, это совсем не важно! Я хочу просто написать, что давно собиралась и мне нужна твоя помощь. Почитай мне!.. Помнишь, ты мне когда-то читал сонеты?..

Михаил. Ты знаешь, я плохо читаю.

Елена. Очень даже хорошо ты читаешь, я помню.

Михаил включает свой планшет

(*читает вслух*). Михаил Афанасьевич подошел к дому № 10 на Большой Садовой. Он прошел через арку по двору и вошел в подъезд. Ждала ли Татьяна Мишу? Она ведь уже давно не верила, что он приедет в Москву.

Елена включает свой компьютер и задумчиво смотрит на экран

Затемнение

Картина вторая

Входит Татьяна. За ней следом бабка Семеновна, которая под руку держит пьяного Федора.

Семеновна. Танька, куда пошла? Танька, ты что думаешь, у нас квартира резиновая? Нам что, с твоим мужиком веселее будет, да? Думаешь сэкономить на жилье вдвоем?.. Домком, думаешь, не узнает? Да я первая сейчас пойду, и как на ладони все и выложу!

Федор громко икает, Семеновна хлопает его по спине.

Заткнись, пьянь!

Федор. Он, ик, не пьет по - человечески.

Семеновна. Вот! Вот Федька говорит, как мерит и отрезает. Хрясь, хрясь.

Татьяна. Миша приехал?

Семеновна. Ты же говорила, что бросил и не приедет. Говорила-говорила! Да он, небось, проездом!!

Татьяна молчит, опустив голову.

Слышь, без мужиков-то лучше. Я вот его сразу наотрез не хотела пускать. Все как положено.

Федор. И на каком он, ик, основании?!

Входит Михаил Афанасьевич Булгаков. Он стоит за спиной у бабки. Татьяна его не видит.

Семеновна. Мужиков насквозь вижу, я тебе правду скажу. Ты мне поверь, у меня внук. Он же очень неловкий человек, не приспособленный. Я даже не понимаю, как с ним жить можно?! Ну как? Так отвечает, будто я ему что - то должна. Или как будто сверху, с луны, откуда-то говорит. Сквозь зубы. Ух, мужиков надо в ежовых рукавицах держать. Так.

Федор. Да он что, лучше меня, что ли? (*Грозно*) А-а? Ты объясни! Я че, быдло?? С быдло пить ему не пристало?

Семеновна. Ага, еще сидит на стуле, как на троне. Да, Федька?

Федор. Угу, ик, ой. Ик.

Булгаков обходит Семеновну и встаёт напротив Татьяны; они смотрят друг на друга.

Семеновна. Ну, ты намотала себе все на ус?

Татьяна (*мужу*). Проходи.

Федор. Ик, ой. Ик.

Семеновна и Федор поворачиваются, смотрят на Булгакова и уходят. Он ставит чемодан, подходит к Татьяне и обнимает её.

Татьяна. Ты без письма..

Булгаков. Письма? Ты бы все равно его позже получила...

Таня пытается уловить его взгляд, потом освобождается от объятий.

Татьяна. Наверное, ты с дороги устал? Ты так долго ехал, я уже и не ждала тебя.

Булгаков. И вот, я здесь.

Татьяна. Не надо тебе с ними ссориться. И ты на Семёновну лучше не обижайся!.. Она, знаешь, очень злой человек, она у меня всю кровь уже выпила... Кровь (*смеется*).

Михаил Афанасьевич начинает целовать жену.

Булгаков. Тань, я так соскучился.

Татьяна. Подожди. Чай хочешь? Подожди. Я устала! Ты не понимаешь? Миша, не надо. Ты с дороги устал.

Татьяна освобождается от объятий и отходит. Михаил Афанасьевич присаживается на кровать. Затем он начинает оглядывать комнату.

Булгаков (*принюхивается*). Самогонное озеро здесь, что ли? В этой коммуналке, наверно, такая конституция, что за отказ разделить напиток, могут приговорить к смертной казни...

Таня уходит за чайником и говорит из-за двери

Татьяна. Ты будешь чай?

Булгаков. Да... Я, знаешь, в Киеве был. Маму навестил и сразу к тебе

Таня входит с чайником. Она достает чашки и хлеб.

Татьяна. Я ничего не готовила. Знаешь, у нас все плохо. Очень плохо. Ты даже представить не можешь. Знаешь, я никогда не думала, что революция закончиться. Может в Киев? Там мама...

Булгаков. Нет. Ты знаешь, я в поезде один рассказ задумал. Ты будешь, смеяться. Стоп! Знаешь, я все записал...

Михаил Афанасьевич достает из чемодана рукописи. Татьяна хватается за чемодан.

Татьяна. Миш, забудь, я прошу тебя. Здесь не Тифлис, все закончилось. Тут всё по-другому. Миша, полно тебе. Ну, ты же понимаешь. Ты понимаешь, ты устроишься врачом.

Булгаков. Может зря я тебе рассказал...

Татьяна. Миша, понимаешь, я устала. Ты знаешь, когда ты страдал от морфия, я думала, что не выживешь. Грех такое думать? Я так думала, да... Ты же просто мог не выдержать передозировки (*начинает плакать*). Я вкалывала тебе просто воду, тебя отпускало на время. И ты опять приходил в себя. Я надеялась, что ты выживешь. Потом тиф... Ну, что ты молчишь. Это потому что стыдно? Я кольца обручальные продала, тоже стыдно? (*Плачет*) Я истеричка? Я сама себя не узнаю. Все носятся тут, в Москве, никого не замечают. Одиноко мне...

Булгаков. Ну, я же люблю тебя. Я ждал тут тебя и думал, придется ли за тебя бороться... Помнишь, как хотел из-за тебя застрелиться?

Татьяна закрывает мужу рот.

Татьяна. Молчи. Ты же только приехал...

Булгаков. Я люблю тебя.

Татьяна. Я тоже тебя сильно люблю...

Булгаков. Люблю, все будет так как надо.

Татьяна начинает доставать и целовать рукописи.

Татьяна. Ты мне обещаешь?

Михаил Афанасьевич начинает ее целовать.

Картина третья

Михаила сидит у принтера и распечатывает рукописи. У него вибрирует телефон, он сбрасывает звонок. Елена набирает текст на компьютере.

Михаил. Да, дневники Татьяны хранят много интересного. Помнишь, в рассказе «Морфий» доктор Поляков пишет в своих записях: «Я думал, что только в романах бывают такие как она. И если я когда-нибудь поправлюсь, я навсегда соединю свою судьбу с нею...» Будто эта фраза про Татьяну, она же также всеми силами боролась за жизнь Михаила Афанасьевича, как и Анна за Полякова. Только в отличие от доктора из своего рассказа Морфий, Булгаков поправился. И вот они с Татьяной вместе. Только, к сожалению, мы знаем, что это ненадолго....

У Михаила снова вибрирует телефон

Елена. И часто тебе так настойчиво звонят по ночам?...Может, ты всё-таки ответишь?..

Михаил (*присматривается к Елене*). Не хочу ни с кем разговаривать, кроме тебя. Ты ты... са-самая...

Телефон перестает вибрировать.

Елена. Почему ты не пишешь о том, что Булгаков обращался к Богу?

Михаил. Он редко бывал в церкви... Хотя, конечно всех подробностей не могу знать...

Елена. Ты же знаешь, его отец был профессором Богословия...

Михаил. Да. Ты знаешь, что отец тоже вел научную работу о дьяволе...

Елена. Мне кажется, когда человек на краю смерти, то включается инстинкт самосохранения...

Михаил. Может быть. В любом случае, если, пока, такой период еще не наступил в его жизни, то он очень скоро наступит...

Елена. И с чем это связано?

Михаил. С тем, что он вдруг влюбится... страстно... отчаянно... Все, как полагается. Да, Михаил Афанасьевич и на смертельном одре будет вспоминать и звать Татьяну со сдавленными спазмами в горле: он будет просить прощение - она же спасла его от смерти во время гражданской войны... Только, когда он будет умирать, рядом её не окажется, и прощение он на тот момент не получит...

У Михаила снова вибрирует телефон

Придется всё-таки ответить. Извини. Я быстро. А-ал-алло! Я... я уже сказал, что сегодня не приеду.

Он морщится, убирает трубку от уха и быстро выходит с телефоном.

Елена идет к принтеру, берет и складывает рукописи.

Елена (*присматривается и читает*). Наши дни... Моя Маргарита... Отношения... Хм, интересно, о ком это он?..

Михаил (*возвращается*). Ты знаешь... мне... мне п-пора... к сожалению... нужно срочно отъехать... П-прости. Дело в том, что... ну, у меня такие обстоятельства... (*смотрит на часы*). Ладно, сейчас не время что-либо объяснять...

Елена (*раскладывает рукописи*) Ты написал не только про жизнь Булгакова, но и про свою?

Михаил. Да... какая уж там жизнь... (*Перебирает страницы*) Вот. Следующая глава называется «убивают»... Вот это – жизнь. Да... убивают. Т-т-ты пока почитай дальше сама... Может что-то напишешь... Вот, начни отсюда, в-вот... «Вечерами на Патриарших прудах Булгаков, сидя на скамейке, долго пытаться найти ответы на свои вопросы: кому он нужен в Москве? Провинциальный писатель...

Елена. Я почитаю...

Михаил. Мне так не хочется уходить, но иначе, видимо, никак. Дело в том, что... (*смотрит на часы*). Ладно, сейчас не время... да и зачем...

Елена пожмает плечами и начинает читать вслух. Михаил останавливается на пороге и смотрит на неё.

Елена (*читает*). Итак, пора домой... В комнате еще можно было полежать и попытаться прийти в себя. Попросить Таню найти тазик, согреть воды. Да, она всегда должна была кипятить горячую воду Мише. Ухаживать, приносить и уносить его вещи. Всегда. Такова её роль, женская участь: ухаживать за мужем. Кто он для её? Ребенок. Безработное, никем не признанное дитё...

Михаил продолжает стоять на пороге и задумчиво смотреть на Елену. Затемнение.

Картина четвертая

Комната Татьяны и Михаила Афанасьевича Булгакова. Он сидит за столом и пишет, под ногами – тазик. В углу комнаты, забившись, сидит Настасья. За дверью раздаются крики пьяного Федора.

Булгаков. И так каждую ночь (*тяжело вздыхает*). Тема для фельетона, фельетона про коммуналку, под названием...

Татьяна (*перебивает*). Миш, вода в тазике не холодная?..

Булгаков. Нет. Спасибо. О Боже, какое же это наслаждение побаловать ноги в теплой воде после этого бега... Бега по издательствам!.. Нужно будет написать пьесу про бег... Только бежать там будут из страны...

Татьяна (*перебивает*). Вода в тазике точно не остыла?..

Татьяна подходит и трогает его ноги руками, потом берет полотенце, достает у него ногу, пытаясь вытереть ее полотенцем.

Татьяна. Может убрать?

Булгаков. Тань, не трогай, я пишу. Накрой меня лучше моим бараньим полушубком - я замерз!

Татьяна. Ты его используешь и как пальто, и как скатерть, и как одеяло...

Булгаков. Что поделать - тяжелые времена...

Татьяна накрывает Михаила бараньим полушубком.

В комнату Миши и Тани раздается стук. Доносятся крики пьяного Федор: «А-а-а! Убью, не хер! Откройте! Я все равно прикончу тебя, Настька!»

Настя в слезах ещё больше забивается в угол.

Татьяна. Одно и то же! Из ночи в ночь!.. Как же я устала!..

Булгаков. Сюжет для фельетона под названием... (задумывается) «Самогонное озеро».

Слышится беготня. Следом раздаются вопли: «- «Милиция, милиция!».

За дверью раздаются крики пьяного Федора: «Откройте! Я все равно ее убью!»

Булгаков (смотрит на Настю). За что он тебя так?

Настя (плачет). Не знаю, не знаю. А только я ни в чем не виновата!

Федор колотит в дверь с криками: Я достану! Настька!

Татьяна (ходит в волнении). Миш, зря ты милицию вызвал. Я же тебя так просила этого не делать!! Не надо было... Они же пьяные, Миш!

Булгаков. Нельзя в такой ситуации бездействовать. Нельзя.

Татьяна. Не надо было, не надо. Они сами разберутся, они пьяные.

Булгаков. Таня! Все бы так сделали... Здравомыслящие люди все бы так сделали.

Татьяна. Не надо было, не надо...

Настя (в углу). Нет-нет... Нет, это хорошо, что милиция приедет!

За дверью снова крик Федора: «Настька! Таня, мать твою! Дверь как взломаю!! Топор возьму, и взломаю!»

Булгаков пишет, не обращая внимание на крики за дверью. Татьяна с ужасом смотрит на мужа.

Татьяна. Миш, я так больше не могу. Он же и вправду топор возьмет и дверь взламает!

Булгаков. Ты представляешь, что мне сегодня в издательстве сказали? Мы не платим. Хотите, говорят, публиковаться так? Знаешь, одного не пойму, вот дворнику сказали бы убираться на улице за «так». Он бы это «так» за плевков принять бы мог. Что он «так», неполноценный... И могло бы произойти, что собственно происходит у нас.

Татьяна. Миш, он за топором пошел.

Пауза и вдруг крики: «Милиция, милиция!» Раздается грозный крик бабки Семеновны: ««Заткнитесь, я сказала! Я сказала! Упакую, как попугаев на птицефабрике»... «Милиция!!! Помогите! ААААА.....».

Настя (испуганно). Ой, милиция приехала... Да?

Булгаков. Вот они во всем и разберутся.

За дверью слышатся крики, стуки, беготня. Хлопки. Пауза. Опять хлопки. Упало что – то тяжелое. «Все ты, меня достал!» – чей – то крик.

Татьяна. Сил моих больше нет!.. Миш, мы съедем отсюда когда-нибудь?

Булгаков. Знаешь, что я спросил у издателя? Что сейчас интересно московскому читателю? Он ответил: «Сатана и муравей».

В дверь опять раздается громкий стук

Татьяна. Может открыть?

Настя. Нет...

Из-за двери доносится вопль: «Караул!!!»

Татьяна (*начинает рыдать*). Больше я не могу. Больше я так не могу!

Настя. Больше я так не могу!

Татьяна (*Переходит на крик*). Сделай что хочешь, но мы должны уехать отсюда!

Булгаков. Что я могу сделать?

Татьяна. Миша!!!

Булгаков. Что? Я не могу достать комнату. Она стоит 20 миллиардов. Пока я не допишу романа, мы не можем ни на что надеяться. Терпи.

Раздаются удары топора, треск дерева.

Татьяна. Но ты никогда не допишешь романа. Никогда. Я приму морфий.

Булгаков (*сквозь зубы*). Морфий ты не примешь, потому что я тебе этого не позволю! А роман я допишу, и, смею уверить, это будет такой роман, что от него небу станет жарко.

Дверь распахивается.

Настя (*закрывает лицо руками*). АААААА.....!

Входят два милиционера. На пороге стоит Семеновна, она держит себя грозно и нагло.

Милиционер. У вас дверь, кажется, кто-то хотел взломать?

Татьяна. Да! Это Федор. Вы его задержали?

Входит пьяный Федор

Федор. Что Федор!! Дверь эта... она всегда такая была...Косяк отходил...

Настя. А-а-а-а-а! Спасите, люди добрые!! (*убегает*).

Федор. Настька! Циц!! Стоять! (*убегает вслед за Настей*).

Милиционеры провожают взглядом Настю и Федора.

Милиционер (*смотрит на Семеновну, потом на Булгакова*). Так, что у вас произошло? Вы вызывали?

Булгаков. Вы Федора не задержали?..

Милиционер. Федора мы знаем давно и давно он у нас под наблюдением. Мы от алкоголизма не лечим. Вы вызывали. Что у вас произошло? Только по факту.

Булгаков. По факту? Первое: дверь только что взломали топором. Это сделал Федор. Второе: минуту назад Федор пытался совершить покушение на свою жену Анастасию. Третье: в наш адрес был мат и угрозы.

Милиционер. Потерпевшие?

Из-за двери доносится крик Федора: «Убью!»

Милиционеры смотрят на Булгакова.

Милиционер. Ну, моральную компенсацию можете получить. По суду. А сейчас я должен вас оштрафовать за ложный вызов. Убийства не произошло, жертв нет, обвинения мы не слышали.

Выглядывает из-за двери Федор.

Федор. Чё дверь... может оно так и было...

В комнату проходит Семеновна, раскачивая массивными бедрами.

Семеновна. А что это светик горит?

Булгаков. Семеновна!

Семеновна. Вы что же это, опять у вас ночью светик? Знаете ли, электричество по ночам жечь не полагается. Я хочу, чтобы факт зафиксировали.

Булгаков. У меня темно от пяти до десяти вечера.

Семеновна. Неизвестно тоже, чем это люди по ночам занимаются. Теперь не царский режим.

Булгаков. Я печатаю червонцы.

Милиционер. Как?

Булгаков. Червонцы печатаю фальшивые.

Семеновна. У нас домком есть для причесанных дворян. Их можно туда поселить, где интеллигенция, а нам, рабочим эти писания не надобны.

Милиционер. А вы писатель?

Семеновна. Хм... Я покажу, какой он писатель!

Милиционер. Ну, все ясно, значит, мы уже лишние. Вам предупреждение! Особое.

Булгаков. Мне штраф?

Милиционер. Так, товарищ не понимает.

Милиционер достаёт из папки протокол и хочет составить протокол, но останавливается.

Булгаков (кричит). Бабка, продающая тянучки, скорее частный торговец, чем рабочий.

Семеновна. Вы не касайтесь тянучек, мы в особняках не жили. Я подам на выселение вас.

Да! Шутки кончатся. Собирайте вещи... Собирайте!

Булгаков. Кстати, о выселении. Если вы, Семеновна, еще раз начнете бить по голове Шурку, и я услышу крик истязуемого ребенка, я подам на вас жалобу в народный суд, и вы будете сидеть месяца три, но мечта моя посадить вас на больший срок.

Милиционер. Так, дети появились.

Семеновна. Ишь ты!.. Заведешь себе «своих Шурок» и ешь их с кашей. Ежели кому не нравится, пусть идет туда, где образованные!

Семеновна демонстративно оборачивается спиной, и уходит, раскачивая бедрами. Татьяна смотрит на рукописи.

Милиционер. Михаил Афанасьевич, давайте, чтобы это было в последний раз...

Милиционеры уходят. Булгаков и Таня остаются.

Булгаков. Ага... Дали бы полномочия!

Татьяна начинает плакать.

Булгаков. Успокойся. Успокойся, успокойся, в конце концов. Не могу, когда ты плачешь, я так не могу...

Татьяна (смотрит на рукописи). Может не надо больше писать? Может, мы уедем куда-нибудь?

Булгаков. Я же обещал тебя одеть и обуть.

Татьяна. Да.

Булгаков. Я тебе обещаю, все пройдет, и настанет время, когда мы забудем о существовании этих соседей и этой жизни навсегда. Мы не будем даже вспоминать об этом, а если будем, то только с хохотом...

Татьяна. Прости меня...

Булгаков. И ты верь в меня. И прости...

Татьяна. Я буду любить тебе всю жизнь...

Булгаков. Я тоже всю свою жизнь. Танечка, моя.

Затемнение

Картина пятая

Елена сидит перед компьютером, рядом лежат рукописи. Михаил так и стоит на пороге.

Михаил (на пороге говорит). В эту же ночь Булгаков написал Крупской письмо и приехал к ней, чтобы вручить это письмо ей лично. Он знал её по совместной деятельности в Лито.

Надежда Константиновна его приняла. Она посмотрела на него, сурово сдвинув брови, потом взяла лист. Подумала, посмотрела на его разбитые ботинки, затем на окно... Потом опять на лист... Крепко сжала бумагу Булгакова и написала сбоку красными чернилами: «Прошу дать ордер на совместное жительство». И подписала: Ульянова.

Елена. Почему же ты не уходишь?

Михаил. Ухожу (*продолжает стоять на пороге и смотреть на неё*).

Елена (листаёт страницы) Следующая глава называется «любовь»...

Михаил. Да. Любовь Белозерская новая любовь Михаил Афанасьевича. Рукописи оставляю тебе... Я готов тебе оставить всё... Вот только не красит сегодня нашего героя его состояние.

Точнее его отсутствие. Да, пока Булгаков бедный. Бедность, конечно, не порок. Более того, деньги портят. Стоит, только отметить, что полное их отсутствие портит окончательно (*Уходит*). *Елена задумчиво смотрит на дверь*

Елена. Ушел. Нет-нет, не оставляй меня! Я в этом городе стала совсем чужая...

Задумчиво ходит из угла в угол

Он, может, уже женился. Да. Дедушка, наверно, был прав, убеждая меня, что нам не по пути...

Елена берёт телефон, набирает номер и прикладывает трубку к уху

Алло... Как ты долетел? Что?.. Я хотела сказать, что все в порядке, я разговаривала с администратором, на наш завтрашний спектакль половина билетов продано... я не дома и сегодня туда не приду... Я занята... Мне нужно подумать... Мне невыносимо находиться ночью в той квартире! Послушай, я... Нет... Я нашла материал для постановки... Это про жизнь Булгакова - там интересные женские роли... Жены Булгакова. Мне нужно... Что? ... Нет... Мне невыносимо находиться ночью в квартире дедушки! Я там совсем чужая и меня будто кто-то душит ночью... Что меня никто не может душить? Ты так этому удивляешься... Что? ... Жаль... (*отключает телефон*).

Берет рукописи, листает и читает

Если кто-нибудь меня слышит... Прошу, отпустите её. Освободите её из плена лицедейства!.. (*Перебирает рукописи*) Итак, роман в романе значит... А у меня будет пьеса в пьесе... И напишу я свою версию....

Садиться к компьютеру, проговаривая вслух

Начну с воспоминаний. Библиотека. Он спит, склонившись над книгами, но вдруг резко просыпается. Прямо перед ним стоит девушка, незнакомка. Она очень странно на него смотрит и улыбается; подходит ближе.

Елена начинает быстро набирать текст. Затемнение. Вдруг начинают раздаваться голоса будто издали.

Она. Вы пишете о Булгакове, я поняла! С вами будут происходить мистические вещи.

Сейчас. Непременно сейчас. Понимаете? Оставьте все. Вон дверь.

Он. Я хочу написать книгу о Булгакове, я ее уже начал...

Она. Надо все сжечь. Гоголь все сжигал. Вы понимаете?

Он. Я не Гоголь.

Она. Я говорю с вами по делу! И не надо на меня так смотреть. Не надо на меня вообще смотреть!

Он. Что вы знаете о писателях?

Она. Я внучка издателя.

Он. Издателя? Замечательно. Извините, но у меня сейчас мало времени, нужно работать над текстом...

Она. Библиотека скоро закрывается. Пойдемте. Я вас довезу, я на машине.

Он. Я пешком, я не далеко живу...

Она. Где живете?

Он. На Патриарших.

Она. Я так и знала! Я так и знала! Знаете, такая тема... Булгаков и Москва 20-х годов ...

Он. Мне она очень любопытна.

Она. Москва, Москва город больших возможностей. Москва город кредитов.

Он. Мне кажется, что продажный облик столицы, ни сколько не красит ее. Торговые отношения принесли больше злости и ненависти, чем счастья... Во времена Карамзина, Москва считалась чуть ли не небесным Иерусалимом...

Она. У вас, наверно, просто нет денег, вот вы так и рассуждаете... Куда вы пошли? Ну, куда? Ну, простите меня, простите, пожалуйста. Вы без меня не напишите хорошей книги... Вы должны проводить меня домой. Вскоре вы поймете мои слова!

Он. О Боже, она одинока ко все прочему...

Елена перестает набивать текст, трет глаза, задумчиво смотрит по сторонам и закрывает глаза. Вокруг начинают мелькать тени.

Да. Она привозит его к себе...

Вокруг полумрак, мелькают тени и доносятся голоса

Она: Это квартира моего дедушки, он сейчас в командировке, и попросил меня пожить здесь. Располагайтесь! Что вы за человек такой! Почему вы с каким-то подозрением смотрите на меня? Закройте глаза на секунду!

Он. Очень много загадок...

Она. Смотрите, какая шляпа с вуалью! Правда, я в ней как Маргарита?

Он. Вы хотели бы сыграть Маргариту?... Послушайте, вы очень интересная, но...

Она. Подождите! Довольно обо мне. Почитайте мне, что вы там написали! Только, знаете, я меньше всего хочу вас соблазнить. Давайте сразу с вами договоримся, что вы не будете влюбляться в меня...

Он. Всё это очень странно. Трудно даже поверить, что встречу такого человека, который потребует от меня каких - то невероятных обещаний. Да, и чего я должен в вас влюбляться?

Она. Это просто может вам помешать... Ну, и довольно обо мне... Давайте поговорим про Булгакова. Почитайте мне!

Он. Я плохо читаю. Да и зачем устраивать читку?

Она. Мне нужно, чтобы вы мне почитали... Я люблю, чтобы мне читали вслух.

Он: Прости, но из меня плохой чтец. Да и поздно уже...

Она: Нет-нет, не оставляйте меня одну! Оставайтесь. Прошу. Мне невыносимо находиться ночью одной! Это связано с одной тайной ... Вскоре я вам ее открою... Только не оставляйте меня одну!... Позже я открою тебе свою тайну, а пока почитайте мне вслух! **Он.** Ну, хорошо... Сны, сны часто погружали Булгакова в прошлое. Для чего эти сны? Кто-нибудь задумывался о них всерьез? Правда, опять же, люди, разгадав таинство сна, и получив, так сказать, подсказку... все сделают, как нравится. Парадокс... Ему снится Таня. Бывшая супруга

Она: Бывшая?

Он: Да. Потом она часто будет ему сниться...

Картина шестая. Сон.

Вспышка, появляются Булгаков и Татьяна. Затемнение. Вспышка. Булгаков сидит за столом и пишет. Татьяна сидит в углу, шьет и смотрит на мужа.

Татьяна. Ну зачем ты это пишешь? Успокойся...

Булгаков *(не открываясь от переписывания рукописи, вторит ей эхом).* Успокойся...

Татьяна. Тебе не страшно?

Булгаков. Нет.

Булгаков садится к роялю и начинает играть вальс из оперы «Фауст»...

Из темноты зала кто-то начинает ему подпевать: «Ла-ла, ла,- ла- ла- ла, ла»

Михаил Афанасьевич оборачивается ... Из темноты выходит женщина (Любовь Белозерская) и идёт к Михаилу. Он смотрит на неё, не отрываясь; она подсаживается к роялю. Татьяна продолжает вязать, искоса наблюдая за ними.

Белозерская. Я читала Ваши фельетоны... И сейчас вспомнила фразу: "И почему в Москве такая масса ворон... Вон за границей голуби... В Италии "

Булгаков. Голуби тоже сволочь порядочная...

Белозерская. Bravo! На мой взгляд, это эпически-гоголевская фраза!..

Булгаков. Признаться, я часто думаю о творчестве Гоголя!

Белозерская. А я, признаться, в последнее время часто думаю о вашем творчестве...

Смотрят друг на друга.

Белозерская (*протягивает руку Булгакову*). Любовь...

Михаил Афанасьевич перестает играть на рояле; вальс, однако, продолжает звучать;

Булгаков встает и целует руку Любви Белозерской.

Булгаков. Любовь, позвольте пригласить Вас на танец!

Булгаков и Белозерская начинают кружиться в вальсе; Татьяна продолжает шить, наблюдая за ними.

Белозерская (*в танце*). Смотрю в ваши глаза, и меня возникает ощущение, что жизнь у вас не удалась...

Булгаков. А я смотрю в ваши глаза, я чувствую то, что не смог объяснить ни Ницше, ни Аристотель, ни Торо, ни Шекспир, ни Пушкин...

Музыка постепенно затихает. Булгаков и Л. Белозерская прекращают танцевать.

Булгаков. И у меня колет сердце...

Белозерская. Передохните

Булгаков. Нет, нет! Не отпускайте меня...

Белозерская (*Оставляет Булгакова и подходит к Татьяне*). Вы все штопаете рубашку вашего мужа?.. Оставьте, он все равно вскоре от вас уйдет...

Татьяна. С чего это вы так решили?

Белозерская. Через несколько дней мы с ним познакомимся... С вами он ничего хорошего не написал бы... Вы девушка, которая ничего не понимает в московском свете...

Татьяна. Я желаю ему только добра. Только добра...

Белозерская. Отпустите его. И больше никогда не вмешивайтесь в нашу жизнь... Никогда...

Татьяна. Он не может, так поступить... Я... я могу танцевать, так же как и вы...

Белозерская. Нет, вы уже ничего не можете... Успокойтесь. Давайте, лучше я вас научу танцевать фокстрот! Михаил Афанасьевич, сыграйте нам что-нибудь!

Булгаков начинает играть - звучит музыка.

Белозерская (*Татьяне*). Смотрите за мной, и повторяйте!

Белозерская танцует; Татьяна неуклюже повторяет движения за Любовью.

Татьяна. Раньше я хотела отравиться, вскоре этого захотите вы.

Любовь смеется. Затемнение. Вспышка

Картина седьмая

Елена набирает текст, сидя за экраном своего компьютера. Вокруг неё продолжают мелькать тени и звучать голоса и мелькать тени.

Он. Я говорил, что плохо читаю...

Она. А я хорошо читаю

Та-та-та-та-та-та-та-та

Взовьюсь я ведьмой из трубы

И перепутаю все карты

Твоей блистательной судьбы!

Начинает звучать музыка

Он. Вальс из оперы «Фауст» Гуно?

Она. Да, я тоже его люблю играть. Так что же все-таки произошло с Мишей и Таней?

Он. Диагнозы из века в век одни и те же: утрата любви... Через 11 лет после венчания он предложил Татьяне развод. В декабре 1924 года. Они жили вместе еще несколько дней. Он также приходил, ел, спал. Кошунственные дни...

Она. Она должна была родить ему ребенка...

Он. Булгаков попросил ее сделать аборт... Он любил детей и хотел детей... Но понимал, что в этих условиях, воспитывать ребенка невозможно.....

Она. Собирайтесь. Уже пора...

Он. Но... как – же? Ночь на дворе...

Она. Уже утро - пять утра.

Он. А, вам уже не страшно, потому что наступило утро... Почему, кстати, мне нельзя влюбляться в вас?

Она. Ну, судя потому, что вы пишете, человек вы опасный...

Он. Вот как? Я, правда, пока, не много написал, но вы можете почитать, что есть и может тогда измените своё мнение...

Она. Хорошо, можете дать мне ваши записи. А сейчас, мне пора спать...

Он. Ты и вправду ведьма. Сегодня вечером мне приходится?

Она. Сегодня – нет, завтра приходи.

Он. Как скажешь!

Елена выключает компьютер.

Елена (*трет с силой себе лоб и глаза*). Сны, сны часто погружают в прошлое. Для чего эти они? Неизвестный режиссер фокусирует внимание то на одном сюжете, то на другом... (*засыпает, сидя за столом*).

Затемнение

Действие третье

Картина первая

Елена стоит перед зеркалом. Берет телефон и набирает нужный номер.

Елена. Прости, не отвечала на твои звонки – всю ночь занималась написанием пьесы... Да, днём немного отдохнула... А, вот ты о чём беспокоишься, хм, конечно я готова к сегодняшнему спектаклю... Подумаешь, ночной спектакль, даже лучше... Уже в театре ты? Пишу..... пьеса состоит из ночей и снов ... Как, кто Булгакова? (*улыбается*) Ты. Первая часть... их сложная жизнь с Татьяной... потом его уход к Любове Белозерской... Я? Я мясом не питаюсь - я вегетарианка, а вот ты питаешься мясом... женским... С чем?.. Ты имел в виду с горчинкой? ... Я отношения с тобой вовсе выяснять не хочу, тем более с помощью Булгакова! ...Ладно, всё. Буду за 40 минут до начала спектакля. ... Да, я всё там же... да, мне нужно побыть одной... До встречи.

Елена смотрит в экран и читает.

Елена. Ночь вторая. Сон второй. (Задумчиво) Да, здесь уже заканчиваются воспоминания и начинаются сны...

Затемнение

Картина вторая

Квартира Булгакова. Михаил Афанасьевич лежит на кровати, за его спиной Рудольф копается в книжных полках. Некоторые книги падают на пол, Рудольф их поднимает и ставит на место.

Рудольф. А лампу нельзя зажечь?

Булгаков. Видите ли. Лампочка у меня перегорела, а сейчас уже поздно...

Рудольф оборачивается, ухмыляется, расстегивает пиджак и достает оттуда электрическую лампочку.

Булгаков. Вы так и носите с собой лампочки?

Рудольф. Чистое совпадение, только что купил. Почему вы не проявляете гостеприимства?
Рудольф ввинчивает лампочку, и свет озаряет комнату.

Булгаков. Прошу, присаживайтесь к столу...

Рудольф. Премного благодарен.

Булгаков садится за стол, напротив него устраивается Рудольф.

Рудольф. А я шел мимо, дай, думаю, взгляну.

Булгаков. Очень приятно.

Рудольф. Роман написали? Бусин говорил.

Булгаков. Гм... Я Бусину не читал. А кто этот Бусин?

Рудольф. Один человек.

Булгаков. Написал, это верно.

Рудольф. А дайте-ка посмотреть, благо у меня сейчас время есть свободное.

Булгаков. Видите ли, Рудольф Рафаилович, он не переписан, а почерк у меня ужасающий. Понимаете ли, букву "а" я пишу как "о", поэтому выходит...

Рудольф. Ерунда, я каждый почерк читаю. Привычка.

Булгаков. Тем более вы его не нашли...

Рудольф. Не нашел? С чего вы взяли?

Михаил Афанасьевич пытается сложить все рукописи, которые лежат на столе.

Булгаков. Я, знаете ли, раздумал представлять его куда-нибудь.

Рудольф. Почему?

Булгаков. Его цензура не пропустит.

Рудольф. Откуда вы знаете?

Булгаков. Говорили мне.

Рудольф. Кто?

Булгаков. Рюмкин, Плаксин, Порсов...

Рудольф. Порсов - это маленький такой?

Булгаков. Да, блондин.

Рудольф. Я ведь не с тем, чтобы печатать, а просто из любопытства. Люблю изящную словесность.

Булгаков. Право... он мне разонравился...

Рудольф забирает по частям рукописи у Булгакова. Далее Рудольф начинает читать и складывать рядом с собой.

Булгаков. Это черновик, видите ли, я его не исправлял еще...

Рудольф. А скажите, пожалуйста, где вы учились?

Булгаков. В церковноприходской школе.

Рудольф. Так.

Булгаков. Виноват, а к чему, собственно, эти вопросы?

Рудольф. Графу Толстому подражаете?

Рудольф начинает похлопывать пальцем по рукописям.

Булгаков. Какому именно Толстому: Льву Николаевичу, Алексею Константиновичу или, может быть, еще более знаменитому Петру Андреевичу, заманившему царевича Алексея в ловушку?

Рудольф. Однако! Да вы не сердитесь. А скажите, вы не монархист?

Булгаков. Помилуйте!

Рудольф. Скажите, вы сколько раз бреетесь в неделю?

Булгаков. Семь раз.

Рудольф. Сидите у керосинки, бреетесь каждый день... Кроме того, простите, еще один вопросик можно задать, каким образом вы достигаете того, что у вас пробор такой?

Булгаков. Бриолином я смазываю голову, но не всякий, смазывающий голову бриолином, так-таки обязательно монархист.

Рудольф. Роман ваш никто не напечатает. Ни Римский, ни Агреев. И я вам не советую даже носить его туда. Есть только один человек на свете, который его может напечатать, и этот человек - я! Я напечатаю его в своем журнале и даже издам отдельной книгой. И даже я вам деньги заплачу хорошие. Я вам даже сейчас дам вперед пятьдесят рублей.

Нижеследующая просьба, нельзя ли ваш пробор размочить на неделю? И даже, вообще, я вам дружески советую, вы не носите его. И нельзя ли попросить вас не бриться эту неделю?

Булгаков. Как?

Рудольф. Мне это нужно. Завтра я отдам перепечатать ваш роман на машинке...

Булгаков. В нем 17 печатных листов! Как он может быть перепечатан завтра?!

Рудольф. Я завтра в 9 часов утра сдам его в бюро и посажу 12 машинисток, и они перепишут к вечеру. Это обойдется целковых в полтораста, заметьте, за счет автора.

Булгаков. Слушаю. Ну, опять же зачем вам это все надо? Скажите?

Рудольф. Мне? Мне это не надо, это вам надо. Зачем же вы его тогда писали. Что, ради шутки, для собственного удовлетворения? Странно получается...

Булгаков. Давайте оставим его.

Рудольф. Так.

Булгаков. Так.

Рудольф. Знаете что? Вам никаких проборов вообще не надо делать. Понимаете?

Булгаков. Я ничего не понимаю. Что, так важен мой внешний вид?

Рудольф. Дитя! Слушайте, а у вас нет зеркала? А, вижу.

Рудольф подходит к зеркалу и начинает делать прическу.

Рудольф. В трамвае сегодня назвали меня дьяволом, представляете? Уступи место, говорит, Дьявол. Ну, разве я похож? Что за люди? Бабка наругала... Ай, я тоже в этом ничего не понимаю... Так вот, если будете делать, то что я говорю, скоро вы получите славу и денежное удовольствие... Вот деньги. Хотя, сразу отмечу, что деньги писателя не должны никак волновать. Ну, вы понимаете.

Булгаков. Ну, да. Я понимаю...

Рудольф. Успокойтесь, мой голубь, и вы станете...

Рудольф отдает деньги, берет рукописи и направляется к двери.

Булгаков. Вы точно решили?

Рудольф. И пока никому ни слова. Скоро у Вас начнется новая жизнь и такая, о которой вы даже не мечтали.

Рудольф. Послушайте... а...

Рудольф уходит, Михаил Афанасьевич присаживается на кровать.

Булгаков. А где роман? Нет...

Затемнение. Вспышка.

Картина третья

Она (*стоит перед зеркалом с рукописями в руках*). Глава из романа под названием «любовь». Квартира, где живет Булгаков и Любовь. В квартире находится ... книжный стеллаж! Много книг! Да!! Вот сцена из нашей будущей пьесы... Кого я буду играть? Человека, который спит! Некто или нечто из сна.

В зеркале появляется отражение Рудольфа.

Рудольф. В трамваи сегодня назвали дьяволом, представляете? Уступи, говорят, место, Дьявол. Ну разве я похож?

Она. Нет-нет... Я сплю.

Она закрывает глаза. Мимо нее проходит Рудольф и заглядывает в рукописи.

Рудольф. Хм, хм, в церковноприходской школе учились?..

Рудольф подходит к ней

Рудольф. Забудьте! Забудьте все, чему вас там учили...

Рудольф склоняется над ней

Рудольф. Красивые у вас чулки... Знаете, мы с вами похожи...

Снимает с неё чулок

Рудольф. Я, как и вы, люблю изящную словесность...

Начинает душить её чулком.

Она откидывает от себя рукописи.

Рудольф (*смотрит на разбросанные листы и читает*). Любовь... Булгаков и Любовь Белозерская лежат в кровати...

Затемнение

Картина четвертая

Михаил Афанасьевич Булгаков и Любовь Белозерская лежат в кровати.

Белозерская. Ну, а что она сказала, когда увидела «Белую гвардию» в газете? Ей не понравилось, что там написано, посвящается Любви Белозерской?

Булгаков. Она швырнула мне газету в лицо.

Белозерская. Ну и правильно. Я бы тоже так сделала. Столько лет ты был с ней, и теперь такое предательство. Но, с другой стороны, зачем показывать свои эмоции? Ты ее до сих пор любишь?

Булгаков. Люба!

Белозерская. Меня любишь?

Булгаков. Ты же учила ее танцевать. Потом сказала, что можно отравиться, чтобы только не видеть ее.

Любовь встает с кровати.

Белозерская. Как ты сделаешь две инсценировки за один месяц? Взял бы хотя бы два месяца. Что ты сейчас лежишь и ничего не делаешь. Надо ведь работать.

Булгаков. Да, я, кажется, в этот график не вписываюсь. Вахтанговцы тоже звонят, чуть не по десять раз в день. «Как успехи, когда сдадите? У вас все хорошо? Как у вас дела?»

Белозерская (иронично). Может, им в правду интересно, как у тебя дела.

Булгаков. Знаешь, я задумал салонную пьесу «Зойкина квартира». Новая страна с новыми правилами жизни и старыми белогвардейцами. А? Описано самыми редкими красках. Главные герои хотят бежать из новой страны...

Белозерская. Ладно, не продолжай, я потом прочитаю. И сколько они заплатят?

Булгаков. Тебе хватит.

Любовь. То есть ты отдашь все долги...

Булгаков. И твои. И про Татьяну, мы тоже не забудем.

Белозерская. Ну ладно, хватит. Ты знаешь, лучше мне скажи, когда мы снимем отдельный дом?

Булгаков. Вообще моя мечта отправиться в путешествие. Я еще не был за границей.

Белозерская. Ну, жила я в Париже, и что? Что там делать? Ты там никогда не будешь своим. Всё, принимайся за работу. Мы и так целыми днями валяемся в постели. Я пойду одеваться.

Белозерская уходит за кулисы

Булгаков. Такое чувство, что я пьян водкой. И после нее бывает похмелье. Я уже сам не узнаю себя.

Входит Белозерская.

Белозерская. Ты что-то говорил?

Булгаков. Мне кажется, начинается новая жизнь. Я вот только сейчас это почувствовал. Вот, только после нашего с тобой разговора. Я так и знал, что вот так все и будет. Ты представляешь?

Белозерская. Миш, относись к жизни проще. Ой, заколку забыла (*уходит*).

Булгаков. Надо же так разум потерять?

Белозерская. Я все слышу. Это комплемент?

Булгаков. Я люблю тебя, моя милая!

Любовь подходит к рукописям и начинает читать.

Белозерская. Миш, все только начинается, как говорил Достоевский. Ты еще ничего не добился. Ты еще не знаешь, что такое слава, что такое популярность, ты и денег не держал крупных никогда...

Булгаков. Это я?

Любовь берет рукописи и кладет их в свою сумку.

Белозерская. Ой, только не надо опять о Тифлисе. Я уже все это слышала. Все крики провинциального населения, цветы, копейки... Меня больше, конечно, смешит твой рассказ, как ты думал здесь квартиру получить от Сталина. За вклад в культуру...

Булгаков. Люб с тобой невозможно говорить, я краснею...

Белозерская. Хм, вроде не краснеешь...

Булгаков. Что, правда, не краснею? Я чувствую, что краснею. Я прямо багровым себя чувствую.

Белозерская. Красным хочешь стать? Без партбилета сейчас никуда.

Булгаков. Люба!

Белозерская. Миш, ну что ты. Ну, не обижайся... *(смеется)*.

Белозерская подходит к нему и начинает его целовать, кусать...

Булгаков. Ну, ладно. А куда ты положила рукописи?

Белозерская. Я почитаю в дороге. Иди, пиши, а мне сейчас нужно к подружке. Я скоро буду.

Булгаков. Бумаги купи.

Белозерская. Деньги.

Булгаков. Сейчас.

Булгаков достает деньги из кармана и отдает их Любове. Она берет их и уходит.

Булгаков. Всё, пора за работу

Звонит телефон. Булгаков подходит к телефону.

Булгаков. Да, Булгаков. Добрый день, Константин Сергеевич. Я, конечно, пойду на уступки, если они смогут помочь нашему общему делу. Константин Сергеевич, я в курсе, что будет вноситься правка. Да, нельзя держаться на расстоянии от театра. Я, безусловно, согласен. Вы мне сказали это на первой нашей встрече. И очень признателен я за ваше внимание. Я думаю, к следующей неделе будет готова пьеса, и я ее вам лично принесу. Подождите. Да, я хотел уточнить условия договора. Как будет происходить возвращение гонорара в случае, если пьеса будет запрещена?.. А, понятно. Всё сразу.

Булгаков садится за стол и берет перо. Опять звонит телефон.

Алло. Да, мы вчера с вами разговаривали. Честное слово, я отдам. Я отдам. Вы сами знаете, какое сейчас положение. Вы сможете еще неделю потерпеть? Будьте мужественнее. Спасибо.

Он кладет трубку. Снова звонит телефон.

Да-да, платье? Да, платье заказывали. Деньги будут через неделю. Я обещаю. Нет, а мы можем сначала получить, а потом заплатить? Утро деньги, вечером стулья. Да, я где-то уже читал. И автора знаю... Спасибо *(смеется)*.

Булгаков кладет трубку, опять берется за перо и опять звонит телефон.

О, Боже, да дадите вы писать или нет. Алло! *(слушает)* Можно было и поздороваться. И теперь мне известно, что вам известно, что рабочие название пьесы «Зойкина квартира». Нет, не будет убийств. Я не могу никого убивать. Простите, но этим вы не спасете ни одно произведение. И не надо меня учить. Почему телефон не работал? Да потому что я его отключил и сейчас отключу. Потому что, если мы будем заниматься болтологией, то ни к чему не придем. Всё, я вас понял и все будет готово к сроку. Я вам даю слово. Еще две недели у меня есть. Дела мои отлично! Отлично! Отлично!

Кладет трубку и быстро пишет.

Картина пятая

Раздаются звонки. Елена отрывается от чтения и рукой трет с силой себе лоб и глаза...

Елена. Может, это мне уже кажется от переутомления...

Звонки повторяются: Звонит телефон, и звонят в дверь.

Елена отключает телефон и задумчиво смотрит на дверь. Она подходит к двери и смотрит в глазок и открывает. На пороге Михаил.

Михаил. Ты не-не с...с...спишь? Я пришел посмотреть на твоё окно... Смотрю, свет горит... Думаю, значит не с-с-спишь...

Елена. Кто-то сказал: Жизнь-это сон, проснитесь, наконец.

Михаил. Для чего этот сон? Кто-нибудь задумывался о нем всерьез?

Елена рукой трет с силой себе лоб и глаза...

Михаил. Почему ты закрываешь глаза?

Елена. Вспышки. Опять вспышки!

Михаил. Какие вспышки?

Елена. Ничего страшного, это просто от переутомления.

Михаил. Я, знаешь, постарался написать инсценировку для тебя. Может, что – то пригодиться и тебе будет легче написать. Ты много уже сама сделала? На каком ты моменте?

Елена. На любви, так называемой. Про жизнь Булгакова с Белозерской. Мало света в этой истории... Что у тебя, дальше?..

Михаил. Дальше следует обыск... Как только пьесой заинтересовались в театре, последовал обыск. Хотя, Булгаков-то знал, что рано или поздно его будут проверять в НКВД.

Елена. Что же такое в этой "Белой гвардии"?..

Михаил. В то время Белых объявили террористами, их не считали людьми, а Булгаков их показал людьми с честью и достоинством.....

Елена. В этом ли только дело? Вот, например, цитата в “Белой гвардии” из Апокалипсиса... (*берет с полки роман, открывает заложенную страницу и читает*) «Третий ангел вылил чашу свою в реки и источники вод; и сделалась кровь». И пропустили же это в советское, атеистическое время...

Михаил. Да, «...сделалась кровь» - это момент, когда Алексей Турбин разговаривает с киевским священником о тяжелых временах, обрушившихся на Украину, и тот читает апокалипсис. Будто все это там и предсказано.

Елена. Вот, последняя страница романа. (*Читает*) «Все пройдет. Страдания, муки, кровь, голод и мор. Меч исчезнет...»

Михаил. А потом все повторится заново, век спустя... М-да, мистика! Булгаков не зря считал себя мистическим писателем и его произведения изобилуют фе-феноменами, так с-с-сказать, разного ро-рода...

Елена. Чувствовать сердцем людей и время - это феномен.

Елена подходит к окну.

Такое позднее время, а на дорогах пробки...

Михаил. Сегодня же ночь театров – оживление повсюду, вот и пробки!

Елена. Да уж, ночные спектакли повсюду...

Михаил. Кажется, я знаю о т-твоих планах на сегодняшнюю ночь... сейчас проходил мимо театра “Булгаковский дом”...

Елена. Да. Я сегодня играю спектакль по Булгакову! Фантазии на тему Белой гвардии ...

Михаил Афанасьевич нас, кажется, преследует!

Михаил. Мысли и слова – материальны... когда человек о чем-то думает или пишет, он это притягивает в свою жизнь... как у меня... Или мы его. Ты мне так и не сказала, к-как тебе мои рукописи?

Елена. Ну, у меня возникло ощущение, что у тебя там сквозит тема предательства...

Пауза

Человек, ушедший из семьи, нового счастья, как правило, не находит. ... (*Смотрит в окно*).

Михаил (*подходит близко к Елене и смотрит вместе с ней в окно*). Не совсем тебя понимаю... Ты о чем?

Елена. Ты упоминаешь о том, что Булгаков считал Гоголя своим учителем и кумиром...

Михаил. Да, до сих пор «Голгофа» с захоронения Николая Васильевича находится на могиле Булгакова.

Елена. Помнишь, в пьесе Ревизор, городничий в самом начале жалуется на крыс неестественной величины, увиденных им во сне? Недавно я вдруг как вкопанная

остановилась, увидев некую картину, с изображением бесов на посмертных мытарствах... Бесы там изображены в виде больших крыс! Я читала, что бесы, истязующие грешников после смерти, предстают в страшном, нечеловеческом виде, но, чтобы крысы... Брр!

Михаил. Знаешь, а у меня с крысами ассоциируются нквдэшники!

Елена (*заглядывает в его рукописи*). Глава НКВД... (*пробегаем глазами и читает*). В квартире Булгаковых раздался стук в дверь. (*Смотрит на входную дверь*). У меня есть еще немного времени, почитай мне, а я попробую представить, и сама разложить это на сцену....

Михаил (*берет свои рукописи и начинает читать*) Квартира Булгакова и Белозерской. Стук в дверь.

Затемнение

Картина шестая

Квартира Булгакова и Белозерской. Стук в дверь.

Белозерская. Кто там?

Василий. Это я, ваш друг, который сдает вам жилье. Я гостей к вам привел!

Белозерская открывает дверь. На пороге - Василий, Мухин и его помощник.

Василий (*Мухину*). Проходите, пожалуйста. (Белозерской) Это товарищи из НКВД. Вот, будут обыск у вас делать.

Белозерская. Может у вас и ордер есть?

Мухин. Имеется, Любовь Евгеньевна.

Белозерская берет ордер и читает его.

Белозерская. Надеюсь, арестовывать вы никого не собираетесь?

Мухин. В данную секунду нет.

Василий. Вот именно: в данную секунду!

Белозерская. Может быть, мыждемся Мишу? Да, он должен скоро прийти, он в театре. Давайтеждемся! Хотите чаю?

Мухин. Давайте, это будет даже лучше.

Мухин и его помощник присаживаются за стол. Арендодатель Василий устраивается на кровать. Белозерская выходит из комнаты.

Василий. А вы слышали, новый анекдот?

Входит Белозерская с чайником.

Василий. Стоит еврей на Лубянской площади, а прохожий его спрашивает: "Не знаете ли вы, где тут Госстрах? — Госстрах не знаю, а госужас вот!".

Мухин смотрит на него.

Василий. Можете себе вообразить?

Стук в дверь. Белозерская быстро открывает и впускает Булгакова

Белозерская. Ты не волнуйся, Мака, у нас обыск.

Булгаков. Обыск?

Белозерская. У них ордер.

Мухин. Ну что, мы можем приступить?

Василий. Конечно.

Мухин со своим помощником начинают копаться по книжным полкам. Мухин заглядывает под кровать, помощник листает рукописи.

Помощник. Собачье сердце.

Мухин. То, что мы искали.

Булгаков. Это еще не печатали.

Мухин. Вы, что не знаете, что печатать в стол нельзя.

Василий. В данном случае, в книжный шкаф! В мой!

Мухин смотрит на Василия. Потом на Булгакова.

Мухин. Можно, мы останемся наедине?

Василий. Конечно, конечно. Пойдем Люб, они сами разберутся.

Белозерская и Василий уходят.

Мухин присаживается за стол. Помощник присаживается рядом. Булгаков стоит возле них.

Мухин (*помощнику*). Встаньте, пожалуйста, уступите место товарищу, господину Булгакову.

Булгаков. То есть арестовывать вы меня не собираетесь?

Мухин. Это будет понятно, после нашего с вами разговора.

Мухин достаёт из своей папки чистый лист бумаги.

Мухин. Когда, вы начали заниматься писательской деятельностью?

Булгаков. С осени 19 года.

Мухин. Где?

Булгаков. Во Владикавказе, при белых.

Мухин. Как вы отзывались о советской власти? Вы не бойтесь говорить, мы просто хотим понять, разобраться во всем. Я обещаю, что в данный момент арестовывать вас никто не собирается. Нам для этого ордер нужен.

Помощник ухмыляется.

Булгаков. Я проявлял неприязнь к Советской России.

Мухин продолжает записывать.

Мухин. До кого времени, вы находились во Владикавказе?

Булгаков. С 1919 года до февраля 1920. Я был на стороне белых, на отступления которых я смотрел скорее с недоумением.

Мухин. Вы по специальности врач. Вы помогали лечить раненых? Вы занимались еще чем-нибудь во Владикавказе?

Булгаков. Я болел тифом. После выздоровления стал работать при Советской власти, занимался литературной деятельностью.

Мухин. Вы, что-нибудь отправляли на печать в Москву?

Булгаков. Нет, тогда, нет.

Мухин. Когда вы приехали в Москву, чем занимались?

Булгаков. Я поступил в ЛИТО в качестве секретаря. Писал для издательств: «Правда», «Гудок». Сейчас закончил две пьесы для театра МХАТ и Вахтангова.

Мухин. На крестьянские темы пишете?

Булгаков. На крестьянские темы я писать не могу, потому что деревню не люблю.

Мухин. А чем же вы тогда интересуетесь?

Булгаков. Я очень интересуюсь бытом русской интеллигенции, и считаю её слабым, но очень важным слоем

Мухин. И как вы пишете?

Булгаков. Как?

Мухин. Да, как?

Булгаков. Мой склад ума сатирический.

Мухин. То, есть вы хотите сказать, что вы сатирик?

Булгаков. Я — сатирик.

Мухин. Где вы печатали свои работы, рассказы, повести, что у вас там еще было?

Булгаков. Крупное произведение, «Дьяволиаду» напечатали в журнале «Недр». В «Гудке» публикуются фельетоны. Потом написал роман «Белая гвардия», затем «Роковые яйца». Написал «Собачье сердце», оно еще нигде не публиковалось... Еще ранее было написано «Записки на манжетах».

Мухин. Укажите фамилии лиц, бывающих в кружке «Зеленая лампа».

Булгаков. Отказываюсь по соображениям этического порядка

Мухин. Где ваши дневники? Вы же ведете свой дневник? Мы его сейчас все равно найдем.

Булгаков. Между книгой «Фауст» Гёте и полным собранием сочинений Гоголя.

Помощник улыбается и достаёт дневник.

Помощник. Спасибо.

Булгаков. Я рассказал все, что вас интересует?

Мухин. Да, но нам нужно еще осмотреть комнату.

Помощник. Понятые можете войти в помещение для наблюдения.

*Мухин и помощник начинают опять рыться в книгах. Входит Белозерская и Василий.
Затемнение*

Картина седьмая

Елена. Значит, пристальное внимание властей обрушилось на Булгакова, как только МХАТ заинтересовался постановкой Белой Гвардии?

Михаил. Да, Булгаков под напором вышестоящих, был вынужден не раз переделывать пьесу.

Елена задумчиво перебирает его рукописи.

Елена. Михаил Афанасьевич, значит, спрашивал у завлитчасти театра, неужели его пьеса так плоха...

Михаил. Давай забудем на время о Булгакове, хорошо? Знаешь... Я видел театральную афишу твоего сегодняшнего спектакля...хм, по Булгакову... я... да, мы хотели переключиться на другую тему... ну, просто, я хотел сказать, что я рад за тебя... в смысле, твоя мечта, вот воплотилась... ты же хотела играть... как ты мне тогда читала про Маргариту... да-да, как она ждала мастера. Вот, те, кто любят, не должны бояться страданий...

Елена. Да, я люблю театр... "Театр вытаскивает обман и ложь из их кривых лабиринтов, и показывает дневному свету их ужасную наружность".

Елена садится за пианино и берет несколько аккордов, потом, вдруг резко закрывает крышку инструмента, включает планшетник и быстро пишет

Михаил. Вальс из оперы "Фауст"! Любимое музыкальное произведение Булгакова. Раньше ты мне его часто играла...

Елена (*пишет*). Из темного угла появляется Рудольф и начинает играть на пианино вальс из Фауста. Вспышка. Затемнение. Вспышка.

Елена выключает планшет и смотрит по сторонам.

Всё, вон отсюда, в театр, на свой ночной спектакль! А театр теней прошлого пусть живет здесь своей жизнью...

Михаил. Пойдем, пойдем!

Елена берет сумочку и стремительно выходит, выключая свет. Михаил спешит за ней, спотыкаясь.

Затемнение. Раздаются звуки вальса из оперы "Фауст".

Картина восьмая

Свет ярко загорается. Белозерская играет на пианино. На столе ваза с фруктами и бокалы с шампанским. Булгаков разговаривает с актером МХАТ Бомбардировым. Завлитчасти театра, Федор Андреевич с арендодателем Василием уединились около стола.

Булгаков. Сознаюсь вам — мне тяжело. Неужели моя пьеса так плоха?

Бомбардиров. Ваша пьеса - хорошая пьеса. И точка.

Булгаков. Почему же, почему же произошло все это? Пьеса не понравилась им?

Бомбардиров. Нет, Михаил! Наоборот. Понравилась чрезвычайно.

Булгаков. Но Ипполит Павлович...

Бомбардиров. Больше всего она понравилась именно Ипполиту Павловичу.

Булгаков. С ума можно сойти...

Бомбардиров. Нет, не надо сходить. Просто вы не знаете, что такое театр.

Булгаков. Что?

Бомбардиров. Бывают сложные машины на свете, но театр сложнее всего...

Булгаков. Говорите, говорите!

Бомбардиров. Пьеса понравилась до того, что вызвала даже панику, отчего все и стряслось. Лишь только с нею познакомились, а старейшины узнали про нее, то тотчас наметили даже распределение ролей. На Бахтина назначили Ипполита Павловича. Петрова задумали дать Валентину Конрадовичу.

Булгаков. Какому?.. Это, который...

Бомбардиров. Ну да... он.

Булгаков. Но позвольте! Ведь...

Бомбардиров. Ну да, ну да... Ипполиту Павловичу — шестьдесят один год, Валентину Конрадовичу — шестьдесят два года. Самому старшему вашему герою Бахтину сколько лет?

Булгаков. Двадцать восемь!

Бомбардиров. Вот, вот. Нутес, как только старейшинам разослали экземпляры пьесы, то и передать вам нельзя, что произошло. Не бывало у нас этого в театре за все пятьдесят лет его существования. Они просто все обиделись.

Булгаков. На кого? На распределителя ролей?

Бомбардиров. Нет. На автора... На автора. В самом деле — группа старейшин рассуждала так: мы ищем, жаждем ролей, мы, основоположники рады были бы показать все наше мастерство в современной пьесе и... здравствуйте, пожалуйста! Значит, играть мы ее не можем?! Это что же, он в шутку ее принес?! Самому младшему из основоположников пятьдесят семь лет — Герасиму Николаевичу.

Булгаков. Я вовсе не претендую, чтобы мою пьесу играли основоположники! Пусть ее играют молодые!

Бомбардиров. Ишь ты, как ловко! Пусть, стало быть, выходят, кланяются — браво! Бис! Ура! Смотрите, люди добрые, как мы замечательно играем! А основоположники, значит, будут сидеть и растерянно улыбаться — значит, мол, мы не нужны уже? Значит, нас уже, может, в богадельню? Хи, хи, хи! Ловко! Ловко!

Булгаков. Все понятно!

Бомбардиров. Что ж тут не понять! Ведь Иван Васильевич сказал же вам, что нужно невесту переделать в мать, тогда играла бы Маргарита Павловна или Настасья Ивановна...

Булгаков. Настасья Ивановна?!

Бомбардиров. Вы не театральный человек!

Бомбардиров идёт к столу, выпивает фужер, ставит его на стол и уходит.

Бомбардиров. Адью!

Булгаков идет к пианино, где играет Белозерская.

Василий (Федору Андреевичу). По 180 рублей за спектакль? Вы хоть такие деньги когда-нибудь держали?

Федор Андреевич. Только никому ни-ни. Вы же сами понимаете...

Василий. Ну, честное благородное.

Федор Андреевич. Хм, благородным в данной атмосфере быть, хм... А вот вы знаете, как я Михаила Афанасьевича защищал? Трижды хотели снять спектакль. А я письмо напишу, как от завлитчасти МХАТ. Я же всем пьесами заведую в театре, да. И знаете, разрешают. И так три раза...

Василий. Я сейчас вспомнил анекдот. Ты знаешь, как переводиться с китайского "еврей"?

Федор Андреевич. Еврей с китайского?

Василий. Еврей с китайского переводиться "Там". На мотив "интернационала" означает "много евреев"...

Смеются

Василий. Вот, если бы не водка. Эх, держал бы и я их с этими деньгами! Весь мир бы перевернул. Ну, Михаил Афанасьевич не даст соврать. Он сказал, что я очень хорошо рассказываю. Вы можете такое себе вообще осмыслить, это? Я бы все описал, как оно есть.

Федор Андреевич. Так прямо и сказал? Вы знаете, я посоветую вам больше закусывать.

Василий. Вот, сейчас вы правы, я даже перечить не одному слову вашему не могу. И поэтому повинуюсь.

Василий и Федор Андреевич подходят к столу и разливают себе по бокалам шампанское.

Федор Андреевич. Нет, был сначала страх. Кто после семи лет революции опять будет писать о белых? Ну кто? Про белых офицеров, тех, кто борется и не сдаётся, про самоотверженных. Семь лет пролетело, как мгновение...

Василий. Мда...

Федор Андреевич. Я вот все думаю: а может у Булгакова есть какой-нибудь христианский мотив в этой пьесе? Может он хочет выставить их мучениками? Вот ты думал об этом?

Василий. Да, надо подумать... Надо Библию взять у Ивана Ивановича...

Федор Андреевич. Конечно!

Василий. Только вот, не считаете ли вы, бесполезным изучать такую литературу?

Федор Андреевич. Надо быть грамотным во всем. Иначе никак, голубчик мой.

Василий. Хи-хи. К тому же, чтобы сломить врага, надо его понять...

Федор Андреевич. Я уже, честно говоря, боюсь за свою психику...

Василий. Всё, надо закусывать.

Федор Андреевич. Надо. Ждем на спектакль правительство, сверху! Только ни- ни!

Василий. Надо закусывать!

Федор Андреевич. Надо закусывать.

Василий. Все мне пора! Норма!

Василий смотрит на Булгакова, который стоит у пианино. Махнув ему рукой, уходит.

Федор Андреевич. Давай, Вась, пока!

Федор Андреевич садится за стол, складывает руки, опускает голову и засыпает.

Белозерская. Откройте же! Помнишь? Чудный был спектакль.

Булгаков. Помню.

Белозерская. Как эта зрительница тогда кричала: «Да, откройте же». Почему эта женщина закричала? Неужели она действительно так сильно переживала за Елену? Она, правда, думала, что Елена в опасности? И что она сможет спасти ее сейчас. Вот это зритель!

Булгаков. Да, такое бывает, когда зрители погружены в особую атмосферу. Заслуга тут режиссера и, безусловно, актера. Ведь актеры создают это чудо на сцене...

Белозерская. То есть, ты тут не причем? То есть ты не создавал этого в пьесе... Я вообще такое впервые вижу, чтобы зрители...

Булгаков. Люб...

Белозерская. Знаешь, я когда смотрела... У меня будто все внутри переворачивалась. Киев, в воздухе запах пороха. Заголовки в газетах с призывами: «русский национальный подъем»!

Булгаков. Ну, у каждого свое восприятие этого времени...

Белозерская. 20 раз опускали занавес. Это успех... Я в тебе не ошиблась.

Булгаков. А я в тебе...

Белозерская. Конечно, чтобы ты без меня делал... Мой Мака. Ты совершил маленькую культурно— гражданскую революцию!

Булгаков. Ну, не надо так...

Белозерская. С одной стороны - успех, с другой – яростное неприятие спектакля коммунистами, как на девятом году революции недобитые беляки распевали свои песни.

Булгаков. Тебе тоже не понравилась?

Белозерская. Ты мне понравился, мой милый... Знаешь, Римляне ставили на лица своих каторжников клейма: «Cave furem». На эти лица, покинувшие театр, ничего не надо ставить. Без всякого клейма все видно.

Булгаков. Ты так хорошо знаешь Рим?

Белозерская. Я думаю, сегодня надо браться за следующее произведение...

Булгаков. Прямо сейчас?

Белозерская. Ну, а что откладывать? Только начнем мы его в постели.

Булгаков. Федор Андреевич! Вставайте.

Федор Андреевич лежит на столе. Булгаков пытается его поднять.

Булгаков. Вам пора.

Федор Андреевич. Я Вас, Миша, прошу не трогать меня. Эта моя квартира

Булгаков. Ваша?

Федор Андреевич. Я ее должен был получить в награду. Я получил разрешение, а не вы. Три раза за вас ходатайствовал. И что?

Булгаков. Федор, вам не кажется, что вы уже заговорились?

Федор Андреевич. Не надо меня трогать!

Булгаков. Вот вам бутылка шампанского.

Федор Андреевич поднимается из-за стола.

Федор Андреевич. А я специально остался, вздремнуть немного. Здесь, знаете, тяжело спиться. И, кстати, шампанское у вас такое... Можно было и лучше...

Белозерская. Федор, вы не хотите извиниться?

Федор Андреевич. Извиниться. Эта вы меня просите? А кто членские взносы платит, кто товарищем может называться? Вы меня гражданина, товарища, хотите принудить извинения попросить? У Беляка? То есть у тех, кто теракты устраивает по городу? Да?

Белозерская. Вы хамите!

Федор Андреевич. Ладно, ты, вы, мы... Не понравился мне ваш вечер. Скучно. Где салаты, греческие. Так...

Белозерская. Я не хочу, чтобы вы появлялись в нашем доме.

Федор Андреевич (Булгакову). Не надо так вот с людьми. Обидели вы меня, хоть я вас и защищал. Вот своей пьесой и обидели. Вы какой странный человек, и улыбаетесь с каким-то странным оскалом...

Затемнение. Вспышка. Булгаков и Белозерская смотрят друг на друга

Белозерская (раздеваясь). Мы одни, Мака... И сейчас я тебя буду вдохновлять на следующее произведение, которое должно нам принести деньги и славу. Много денег...

Булгаков. И осуществим вместе мою мечту-отправимся в кругосветное путешествие!

Белозерская. Но, вначале ты осуществишь мою мечту-купишь мне автомобиль!

Булгаков. Люба!.. Какой автомобиль!.. В какой стране мы живем...-это же неслыханная роскошь!

Белозерская. Да-да. Роскошь. Я люблю роскошь. Я уже хожу на автокурсы, и у меня там замечательный наставник, который очень верит в мои водительские способности.

Булгаков. Какой ещё наставник, Люба! Ты меня с ума сведешь!

Свет медленно гаснет. Белозерская смеется

Из темноты раздаётся шепот Булгакова: "Конечно, я тебе куплю автомобиль!"

Вспышка. Булгаков и Белозерская спят. Рядом с ними стоит Рудольф со странной улыбкой.

Раздаётся шепот Федора Андреевича: «Какой вы странный человек, и улыбаетесь с каким-то странным оскалом...»

Рудольф смеется

Затемнение. Звучит вальс из Фауста.

Действие четвертое

Картина первая

Елена заходит в квартиру, за ней следом - Михаил.

Елена. Меня уже этот вальс из фауста начинает преследовать – кажется, он играет повсюду... *(Вытирает слезы)* Поменьше бы таких ночей, как сегодня!..

Михаил. Ну не плачь!.. Я не могу смотреть на твои слезы - у меня разрывается сердце!

Подумаешь, спектакль ваш не поняли зрители, Может им Тальберг в образе Чарли Чаплина

не понравился. Это же Россия. Это не Америка. К тому же, спектакль без слов, он такой... Он такой... Ну, такой. Такой. Ты знаешь. Ну, такой...

Незнакомка. Особенный! В стилистике немого кино! Поэтому там и Чарли Чаплин, все построено на пластических этюдах без слов. Но это Россия, здесь все еще царят предрассудки, и зрители не могут оценить новые формы!

Михаил. М-да... Интересно, что бы сказал сам Булгаков, если бы побывал на вашем спектакле...

Незнакомка. Рудольф и сказал, что у него ощущение, будто сам Булгаков был на его постановке. Да, именно. Тогда все сходится. И в день спектакля он получил от меня материал о Булгакове. При этом постановка, над которой он работал несколько лет, спектакль без слов и декораций оказался странным для зрителей.

Михаил. Знаешь, хорошие режиссеры появляются раз в сто лет...

Елена. Он - хороший! Просто это Россия... В Нью-Йорке и к жизни и к искусству относятся иначе, более демократично, там нет таких предрассудков и вопрос статуса давно не имеет значения. Он там может спокойно подрабатывать в разных местах, даже сдавать бутылки и при этом заниматься искусством и ставить спектакли...

Михаил (перебивает). Всё! Ты всю дорогу говорила о нём, мне тяжело слушать про другого мужчину...

Незнакомка. Зря ты за мной поехал!

Михаил. Не будь жестокой ко мне, я, в конце концов, оказался самым преданным зрителем, и с удовольствием досмотрел ваш спектакль до конца, ну, не считая какого-то твоего воздыхателя, полицейского, которому самому нужно играть в театре!

Елена смеется

Михаил. Ну вот, я тебя рассмешил и ты уже не плачешь, не переживаешь из-за спектакля.

Незнакомка. Да я не из-за спектакля переживала, а из-за Рудольфа! Я ему говорила, что Москва не Нью-Йорк...

Михаил (перебивает). Послушай, я хочу, чтобы т-т-ты стала моей женой!

Пауза

Елена. Ты же сам все понимаешь, я не совсем свободна, да и ты...

Михаил. Ты о чём?! Ты имеешь ввиду этого человека со странным именем-Рудольф что ли, который сказал, что ему нужно взять time out, и вообще... Такое ощущение, что он появился из какого-то тёмного угла, как... как какое-то искушение, которое тебя не отпускает уже несколько лет...

Елена. Он для меня... Я... в него верила...

Михаил. Ага, ещё скажи, что он для тебя, как Булгаков... Интересно, а ты для него кто? Не Татьяна, ли?

Елена. Что, что, что ты от меня хочешь?

Михаил. А для меня ты Любовь, которая стала моей музой...

Елена. Любовь Белозерская? Ты бы хотел, чтобы я тоже сыграла демоническую роль в твоей жизни?

Михаил задумчиво смотрит в свои рукописи. Елена садится за пианино.

Елена. Не в твоей? А, может, в чужой жизни?

Елена смеется и начинает играть вальс из оперы «Фауст»

Михаил. Прекрати, этот вальс уже и меня преследует!

Елена нервно смеется, продолжая играть

Я тебя прошу перестать играть!.. Ну, хватит, хватит играть на моих нервах!

Елена. Ха ха ха, ох ха ха...

Михаил разбрасывает свои рукописи

затемнение

Картина вторая

Вспышка. Белозерская лежит на кровати. Булгаков работает за столом.

Белозерская. Миша, что-то надо делать...

Булгаков. Я решу проблемы...

Белозерская. Турбины, больше не пойдут...

Булгаков. Театр нашел выход. Они поставят «Багровый остров». Через пару недель мне за неё заплатят... Ну, ты слышала весь наш разговор...

Белозерская. Белые арапы, Мака, Миша, Мишуня нас не спасут. Не разрешат ее...

Булгаков. Ты не хочешь почитать?

Белозерская. Давай потом...

Булгаков. К вечеру будет уже готов первый вариант...

Белозерская. Им нужен скандал. Театр без скандала, не театр... Они ждут, когда вокруг них опять возникнут слухи...

Булгаков. Они знают, что делать...

Белозерская. Я не об этом. Не глупые они... Не надо у них на поводу идти. Надо предложить нечто... Нечто другое... Ты понимаешь?

Булгаков. Ты о теме товарищей?

Белозерская. Я не понимаю, почему ты не хочешь нормальную жизнь? Или ты от слова товарищ икаешь?

Булгаков. Знаешь, если волка подстричь, будет ли он пуделем? Если он станет пуделем, значит волком не будет настоящим...

Белозерская. Тогда я ничем не смогу тебе помочь...

Булгаков. Что?...

Белозерская смеется и встает с кровати.

Белозерская. Ха ха ха, ох ха ха...котик...

Звонит телефон, Булгаков снимает трубку.

Булгаков. Да, я слушаю. Я обещаю. Что? Я не слышу.

Белозерская садится за пианино и начинает играть.

Булгаков. Люба, я разговариваю по телефону. Плохо слышу. Подождите. Ни одного слова не могу разобрать. Сейчас.

Белозерская начинает играть еще сильнее.

Булгаков. Люба, я тебя прошу!

Белозерская (поёт) ... ла, ла, ла....

Булгаков. Люба!

Белозерская удивленно расширяет глаза, потом шурится, и посылает воздушный поцелуй.

Булгаков. Нет, перезвоните! (Кладёт трубку) Что с тобой!?

Белозерская берет высокие ноты и резко прекращает играть.

Белозерская. Ты что, Достоевский?!

Белозерская идет и садится на кровать.

Белозерская. В отличие от тебя, мне все понятно: полная нищета, огромные долги и утешающие знакомые...

Булгаков. Люб, все встанет на свои места, хватит показывать свою слабость, Люб...

Белозерская одевается.

Белозерская. Ну, пообещай что-нибудь. Пообещай.

Булгаков. Люб, я хочу, чтобы у нас с тобой было взаимопонимание.

Белозерская. Я тебе прекрасно понимаю, всё понимаю. И ты тоже должен меня понять. Я не готова все это пережить заново, ты понимаешь? Я не же-ле-зна-я.

Звонок в дверь. Белозерская открывает дверь. Заходит Елена Сергеевна Шилова.

Елена Сергеевна Добрый вечер.

Белозерская. Вот и Лена пришла. Твоя подружка.

Елена Сергеевна. У вас что-то случилось?

Белозерская. У нас? Нет... Нет, у нас ничего не случилось. Просто Михаил Афанасьевич решил нас по ветру пустить, а так ничего...

Булгаков. Добрый вечер.

Елена Сергеевна. Может, мне в другой раз зайти?

Белозерская. Нет-нет, что вы! Тем более Багровый остров дописан...

Булгаков. Да... почти...

Белозерская. Очень любезно с вашей стороны взяться и перепечатывать тексты человека, который не сегодня-завтра умрет от голода. Очень смелый поступок...

Булгаков. Да.

Белозерская. Молодец, Ленка!

Белозерская *(на пороге, собираясь уходить)*. Все, счастливо!

Булгаков. Пока.

Белозерская уходит.

Елена Сергеевна. До свидания... Куда она?

Булгаков. Не знаю, может обедать...

Елена Сергеевна. У вас денег нет?...

Булгакова. Есть.... Ой..

Булгакова хватается за грудь и начинает изображать умеряющего.

Булгаков. Интересно, в какую секунду я умру? Дойду до стола или нет?

Елена Сергеевна. Что?

Булгаков шутливо падает на ее руки.

Булгаков. Если я дойду до стола, следует написать записку — а о чем? Вздор! Это просто предсердечная тоска, страх смерти. Да?

Елена Сергеевна. Миша, что ты делаешь?

Булгаков. Бром? К чему бром? Разве бром помогает от разрыва сердца? Вместо брома, лучше выпить воды из холодного чайника. *(Пьет воду из носика чайника)*. Все, все, кажется, смерть отсрочена...

Елена Сергеевна. Что происходит, Миш?

Булгаков. Это я так рад вас видеть, Елена Сергеевна...

Елена Сергеевна. А вы знаете, что Дни Турбиных опять будут ставить?

Булгаков. Как?

Елена Сергеевна. Я услышала это от Бомбардинова. Уже звонили в театр и спрашивали, за какое время они смогут восстановить спектакль.

Булгаков. Лена, Лена, Вы принесли мне счастье!

Елена Сергеевна. Михаил Афанасьевич, давайте будем держать себя в руках. Я все-таки замужем, пока.

Булгаков. Простите, прости. Ну, что ж, нам надо приниматься за работу. Пойдемте к моим рукописям. Они ждут, пока вы все перепечатаете... Как ваши дети? Они остались с няней?

Елена Сергеевна. Да, все хорошо...

Булгаков. Не обращайтесь на меня внимания. Жизнь писателя непредсказуема.

Елена Сергеевна. Как роман.

Булгаков. Именно, как роман.

Елена Сергеевна. И где он, у вас в шкафу?..

Булгаков. Может быть...

Елена Сергеевна. Ну, что?

Булгаков. Вы знаете, я заметил некую привязанность к вам. И она появилась в день нашего знакомства...

Елена Сергеевна. Какого знакомства?

Булгаков. Вы попросили завязать на вашем рукаве завязочки и «привязали меня к себе»...

Елена Сергеевна смеется.

Елена Сергеевна Вы что мне предложение делаете?

Булгаков. Ну, если бы так... Я знаю, вы замужем и у вас дети... Вы не потерпите второго развода, да и я не потерплю... второго развода...

Елена Сергеевна. К чему же вы тогда все это мне говорите?

Булгаков. Я? Я думаю нам нужно начать перепечатывать. Присаживайтесь, я возьму рукописи...

Картина третья

Елена бережно собирает его рукописи. У Михаила звонит телефон. Он не отвечает.

Елена. Может, ты все-таки ответишь...

Михаил. Подожди... нет... Мне... (*нервно сбрасывает номер*) Мне нужно посмотреть, что ты написала... Может, я тогда что-то пойму... Где твои записи?

Елена включает свой планшетник и отдаёт Михаилу.

Михаил. Ты...ты... пи-пишешь...

Снова звонит телефон

Да сколько можно, неужели не понятно!..

Нервно сбрасывает звонок. Елена смеется и начинает играть вальс из фауста.

Послушай! Т-твой герои - они...

Снова раздаётся телефонный звонок.

Михаил. Я тебя прошу перестать играть!.. Ну, хватит, хватит играть на моих нервах!

Елена (*закрывает крышку пианино*). Ну все, мне пора. И тебе тоже!

Михаил. Куда тебе?!.. Я тебя не отпущу к нему... Я помню выражение твоих глаз тогда в библиотеке... Я этого больше не допущу. Я... хочу сделать тебя по - настоящему счастливой... И я даже знаю как!

Елена. Разберись сначала со своей жизнью...

Михаил. Хорошо! Алло. Нет. Всё. Да, я больше не работаю в вашей газете. Что? Да, я 5 лет у вас работаю. И кроме Американских макарон и голеней ничего не вижу. У вас тяжело положение? Вы мне личную жизнь отравили. Хватит. Никогда мне не звоните больше. Я улетел, я застрелился. Все!

Незнакомка. Кто это?

Михаил. Из газеты...

Незнакомка. Я думала... девушка...

Михаил. Какая девушка?! Все эти пять лет я был один... Знаешь, я когда начал писать, я знал, что роман столкнет меня с тобой... Знал, что ты появишься... Выйдешь из моих слов, из моих грёз... Материализуешься... Понимаешь, слово – материально!... И многое из написанного материализуется... «Вначале было слово»

Послушай, Булгаков именно с Елены писал образ Маргариты... Он был с ней, когда сочинял это произведение... И я, в-в-вдохновленный тобой... Знала бы ты, что я пишу из последних сил!... И единственное, что меня поддерживает, это вера... п-п-понимаешь... Понимаешь, что Мастер и Маргарита-вечны!

Елена молчит, Михаил тянет к ней руки.

Елена. Подожди... Мы еще не дошли до финала...

Михаил. Тогда, давай, ты будешь читать то, что я написал. А я, твои записи. Давай?

Елена берёт его рукописи

Михаил (*смотрит на неё*). Люблю... слово какое-то непонятное...

Елена молча протягивает ему свой планшетник

Михаил (*читает*). Жизнь-это сон, проснитесь, наконец...

Елена (*читает*). Под салфеткой – Браунинг... разрешили пьесу?

Картина четвертая

За столом Федор Андреевич и Елена Сергеевна. На столе тарелка. Под салфеткой лежит Браунинг.

Елена Сергеевна. Так разрешили пьесу?

Федор Андреевич. Я сейчас расскажу. Я смотрел с особым удовольствием. Песочили все сочинение: остров с красными туземцами, которые живут под властью белых арапов, их нравы, их ценности. Ой, ну чего там только не было (*смеется*).

Елена Сергеевна. И?..

Федор Андреевич. И запретили... Но! Но на этом история ещё не закончилось. Булгаков всё время смотрел, не проронив ни слова. Я по губам прочитал его шепот: «все кончено, все кончено»!

Елена Сергеевна. Чем же всё закончилось?

Федор Андреевич. Чем? Спрашивают: устроишь международную революцию?

Елена Сергеевна. Международную революцию?

Федор Андреевич. Да, международную, через пять минут...

Елена Сергеевна. Ну и?...

Федор Андреевич. Он все сделал. Придумали картину прямо на подмостках. Представляете? Изматывающий ужас!.. И дело было почти в шляпе. «Багровый остров» разрешили... Я, правда, не знаю, надолго ли все это...

Елена Сергеевна. Могу представить, чего ему это стоило...

Федор Андреевич. А что вы переживаете? Вы же здесь ни при чем, и поэтому вам вообще нет смысла вмешиваться в эту историю. Или вам что - то надо?

Елена Сергеевна. Мне?

Федор Андреевич. Ну да. У вас же все в порядке. Вы- то что беспокоитесь, мне звоните?

Елена Сергеевна. Где же он сам?

Федор Андреевич. Как где? Я думал, Миша, ой, Михаил Афанасьевич меня пригласил. Я думал, вы сказали приходить, потому что Михаил Афанасьевич решил наладить отношения. А тут вы в истерике. Какая - то вообще неразбериха...

Елена Сергеевна. Ну, вы... что – то, может, посоветуете?

Федор Андреевич. Я?

Федор Андреевич встает и смотрит на дверь, он хочет уйти.

Елена Сергеевна. Оставайтесь, оставайтесь...

Федор Андреевич. Вы меня плохо знаете, я вовсе не друг Михаилу Афанасьевичу. Я решил, что он меня вызвал, а тут вы... И не хотел я рассказывать, что в театре произошло...

Елена Сергеевна. Оставайтесь...

Федор Андреевич. Не говорите, что я был здесь... И прощение у него просить не буду.

Елена Сергеевна. Вы же ничего не знаете...

Федор Андреевич. Я все знаю, что нужно. А что не нужно, не знаю и знать не хочу, и даже более того, не узнаю никогда... Или может узнаю, но не пойму. Все Елена Сергеевна, простите...

Федор Андреевич хочет уйти, спотыкается и чуть не падает. Он оглядывается и идет к двери. Уходит.

Елена Сергеевна остается одна. Она подходит к кровати и из-под подушки достает пистолет. Она берет его в руки, взвешивает руками и хочет его оценить. Потом берет записку, смотрит на неё и садится к столу ...

Елена Сергеевна. Господи! Ну, как такое можно было написать? Он же писал это еще осознанно. Ну, как он вообще мог так себя известить? Люба, почему ты ничего не делаешь, чтобы спасти его? Кто-то же должен ему помочь...

Елена Сергеевна слышит шаги. Входит Булгаков.

Елена Сергеевна. Миша, ты так поздно!

Булгаков. Ты представляешь, все хорошо...

Елена Сергеевна. Я нашла вот это...

Елена Сергеевна показывает записку.

Елена Сергеевна. Ты можешь мне объяснить?

Булгаков. Что я уже могу Вам объяснить, Елена Сергеевна?

Елена Сергеевна. Я понимаю, вы не хотите оправдываться.

Булгаков. Я писал письма правительству с просьбой дать мне работу в театре. Готов даже сейчас стать рабочим сцены. Но они не дали мне ответа, впрочем...

Елена Сергеевна. И что, с постановкой в Германий тоже ничего не решено?

Булгаков. Спектакль идет, пишут рецензии в газетах. Я же не могу получить с него не одной копейки. И даже от печати «Белой гвардии» за границей ничего не получил ...

Елена Сергеевна. Понимаю... понимаю...

Булгаков. Я очень ценю ваше внимание и надеюсь, мы обойдемся сейчас без слов утешения и сочувствия с вашей стороны...

Елена Сергеевна. Вы никогда не думали, что погубив себя, вы и меня можете погубить?.. Задумайтесь о моих словах...

Булгаков. Ну, в ваших словах, только символ того, что мы должны умереть в один день и больше ничего. Вы любите меня?

Елена Сергеевна. Мой ответ вам ничего не даст... Я замужем и нам, к сожалению, нельзя больше встречаться...

Булгаков. Значит все. Так зачем же вы так со мной разговариваете? Зачем вам все это?

Елена Сергеевна. Мне кажется, я даже уверена, что у вас всё наладится!!! Рано или поздно ваши пьесы начнут ставить. Вы вновь обретете известность в Москве... Всё будет хорошо... Вот и всё.

Елена Сергеевна встает и хочет уйти.

Булгаков. Не уходите...

Елена Сергеевна. Уже поздно... Я не могу так, вы понимаете? Я не могу бросить того человека, это будет плохой поступок, он этого не заслужил...

Булгаков. Я все понял. Ну тогда зачем вы надо мной издеваетесь?...

Елена Сергеевна. Люба просила передать, что больше не придет. Она ни в чем не обвиняла меня.

Булгаков. Лен, не будем о ней...

Елена Сергеевна. Миш, я тоже должна идти. И понимаю, что Люба, скорее всего, сказала это сгоряча. Понимаете, такая вспышка, когда очень плохо и хочешь в ответ что - то сотворить мерзкое. Вот такое и произошло. Она ни в чем не виновата. И нам, скорее всего, нужно будет покончить наши отношения. Нет, что я говорю...

Булгаков. Без Вас я не с-мо-гу...

Елена Сергеевна. Ну, с вами и я тоже...

Булгаков. Со мной вам будет тяжело, я все понял...

Елена Сергеевна. Простите меня, простите... Обещайте, что вы утопите этот пистолет и планов подобных строить не будете. Обещаете?

Булгаков. Обещаю.

Елена Сергеевна. И еще, я хочу, чтобы вы знали... Да, я хотела бы быть с вами. Я вас очень сильно люблю и уже ни как друга и писателя...

Булгаков. Оставайтесь.

Елена Сергеевна. Я приду к вам, может быть...

Елена Сергеевна уходит.

Булгаков. Любит... Елена Сергеевна, я тоже вас люблю... Слово, какое - то непонятно! Я хочу стать вашим мужем... Услышьте меня!..

Затемнение.

Картина пятая

Вспышка. По комнате разлетаются рукописи. Затемнение. Раздаются разные голоса:
Люблю... Слово, какое то не понятное...

Услышьте меня!..

Я приду к вам...

Меня нет. Я сплю.

Слово - материально...

Жизнь – будто сон

Проснитесь...

Неизвестный режиссер.... фокусирует внимание

Для чего этот сон?..

Вспышка. Елена читает рукописи. Затемнение. Вспышка. Михаил смотрит в экран планшета. Затемнение.

Вспышка. По комнате разлетаются рукописи. Появляется Рудольф и начинает складывать листы по частям рядом с собой. Вспышка прожектора освещает пианино. Она, пугаясь света, резко закрывает крышку пианино, походит к Рудольфу и начинает своим чулком привязывать его к себе.

В дверь настойчиво раздаются звонки. Затемнение. Вспышка. Она открывает глаза - вокруг никого. Звонки повторяются.

Она. Неизвестный режиссер.... фокусирует внимание то на одном сюжете, то на другом. Для чего эти сны?

Она открывает дверь. На пороге – он.

Она (с дрожью в голосе). Я же просила тебя...

Он. Знаю: не влюбляться и не приходиться сегодня. Не смог... Я чувствую, тебе нужна моя помощь.

Она. Меня нет.

Он. Есть и когда я увидел тебя в библиотеке, то понял, что Мастер и Маргарита ...

Она (перебивает). Зачем ты все это мне говоришь? Зачем?

Он. Знала бы ты, что я пишу из последних сил!... И единственное, что меня поддерживает, это вера...

Она тревожно смотрит по сторонам.

Она. Темно... Знаешь, Маргарита - это развитие образа Гретхен из Фауста Гёте. Да, а Воланд – это Мефистофель и Сталин. Да. Мефистофель.

Тревожно смотрит по сторонам, потом переводит испуганный взгляд на свои чулки
Мне пора...

Он. Подожди! Я думаю о том, что мои рукописи – это та соломинка для тебя, за которую тебе показалось, ты можешь ухватиться, чтобы вернуть себе хоть какую-то реальность. **Она.** Условно страдала, условно жила... В сплошной ломной ночи... А теперь снова – прочь из мира живых... Прочь из мира Булгакова и его окружения, потому что они более живые, чем мы. Так интересно - Булгаков есть, а нас нет... Нет-нет-нет, давай заново! Давай отмотаем время, вернёмся на пол страницы назад...

Он. Давай. Пауза.

Она. И ты сейчас будешь спрашивать меня о моих тайнах. А я тебе скажу, что сегодня никаких тайн! Никаких признаний. Мне скоро уходить.

Он. Вовсе нет. Тебе не нужно больше никуда уходить... ты больше ничего не боишься. Есть сила, противоположная страху...

Звук грома. Свет резко гаснет. Вспышка. Он и она стоят друг напротив друга, словно застывшие восковые фигуры. Затемнение.

Картина шестая

Вспышка. Михаил Афанасьевич смотрит на пистолет.

Булгаков. ...Эх, грех, который нельзя замолить... Не могу я...сдержать обещание, Елена Сергеевна. Вы в моей шкуре пожили бы, подержали бы этот крест, минуту хотя бы, да нет десять секунд, да и секунды было бы достаточно. Вы бы тогда не просили меня дать вам обещание, не обязали. Нет. Будущее, оно совсем не радует...

Целится себе в сердце...

Пора заряжать...Водички хочется...

Булгаков наливает воды, выпивает и начинает заряжать пистолет. Затем ложится на кровать...

Булгаков. Вот так и должно всё закончиться... Господи, прости!.. Прости мама, мамочка, папа, Таня, Люба, Леночка, прости...

Звонит телефон. Булгаков резко вскакивает с кровати.

Михаил Афанасьевич. Ох... Да, что же это такое, умереть даже спокойно не дают... Не буду подходить. Меня нет, нет... все. Все прекратите. Прекратите, я говорю!..

Телефон перестает звонить. Булгаков опять ложится на кровать.

Булгаков. Ну, вот и все...

Михаил Афанасьевич выдыхает и опять звонит телефону.

Булгаков. Да что же это такое! Вам что, заняться нечем?!

Он встает и подходит к телефону.

Булгаков. Алло! Да, Булгаков. Кто будет говорить? Сталин?.. Да, я подожду... Шутка опять. Сама смерть решила посмеяться надо мной... Ему что, заняться больше нечем?

Михаил Афанасьевич ждет

Булгаков. Алло, здравствуйте, Иосиф Виссарионович. Да... Ответ? Вы читали письмо? Заграница? Меня заграницу отправить? Да, я просил и долго думал последнее время: может ли русский писатель жить вне родины? И я понимаю, что не может... Где бы я хотел работать? Кем? Я указывал, что желаемая должность, это второй режиссер... Да, я хотел бы. Я готов работать в театре. Я обращался и мне отказали... Еще раз? Да, да. Иосиф Виссарионович, мне очень нужно с Вами поговорить. До свидания.

Михаил Афанасьевич держит трубку, потом кладет её на стол; начинает ходить по комнате.

Булгаков. Значит, я должен жить?

Выдыхает

Булгаков. Ну, слава Богу...

Крестится.

Булгаков. Будет работа... Дал он право мне на жизнь в Москве... Это непредсказуемый ход с его стороны... Приходишь к выводу, что решили додушить здесь. С другой стороны, заграница, заграница, заграница — а дальше что?

Входит Елена Сергеевна.

Елена Сергеевна. Миша, ты дома?

Булгаков. Лена, ты должна была завтра прийти.

Елена Сергеевна. Я, знаешь, почувствовала что-то плохое и пришла. Ты себя хорошо чувствуешь?

Булгаков. Странно... Ты обычно звонила по телефону перед своим приходом...

Елена Сергеевна. Я, почему – то, решила так прийти. Ты не ждал?

Булгаков. Сейчас он звонил.

Елена Сергеевна. Кто?

Булгаков. Сталин.

Елена Сергеевна. Сталин? Как это? Сюда? Тебе звонил?

Булгаков. Сказал, что вмешается в ситуацию, попросил, чтобы я еще раз подал заявление во МХАТ...

Елена Сергеевна. Как?

Булгаков. И говорит, что его там рассмотрят...

Елена Сергеевна. Ну...а что дальше? Что дальше, он что-нибудь пообещал?

Булгаков. Он сказал, что надо встретиться, поговорить...

Елена Сергеевна. Как? О чем он хотел с тобой поговорить?

Булгаков. О тебе....

Елена Сергеевна. Миша!

Булгаков. Может, о свободе слова? Он ничего не сказал, не могу представить, что ему может быть интересно? И что он хочет? Он знает, что после писем, о квартире или деньгах разговор уже не пойдет.

Елена Сергеевна. О цензуре???

Булгаков. О цензуре, о возможности художника писать о том, что его интересует...

Елена Сергеевна. Он был на Турбинах и после твоих писем и его вмешательства пьесу разрешили...

Булгаков. Только сейчас, правда, она опять снята...

Елена Сергеевна. Ты знаешь, что Маяковский застрелился?

Булгаков. Как застрелился? Как?

Елена Сергеевна. Утром труп обнаружили, он оставил записку и все...

Булгаков. Печально. Ты так спокойно об этом говоришь...

Елена Сергеевна. Поэт современности.

Булгаков. Так ты об этом пришла сообщить?

Елена Сергеевна. Я переживала за тебя...

Булгаков. Советский поэт...

Елена Сергеевна. В его жизни не было такой травли...И раз такие люди не выдерживают, то ты обязан..

Елена Сергеевна обращает внимание на пистолет, который лежит на кровати и начинает кричать.

Елена Сергеевна. Миша! Что это тут делает! Миша!

Булгаков. Лен, я как раз сегодня решил его утопить и мы сделаем это вместе, чтобы не возвращаться к этой мысли.

Елена Сергеевна. Ты... что?! Ты что...

Булгаков. Я?

Елена Сергеевна. Подожди. Значит, это не случайно. Там наверху, видимо, знают о твоём решении, и они не могут допустить этого преступления. Они все знают...

Булгаков. Возможно...

Елена Сергеевна. Ох, Миша...

Булгаков. Сейчас я оденусь, и мы с тобой пойдём...

Булгаков одевается, Елена Сергеевна смотрит на пистолет.

Картина седьмая

Полумрак. Он и она, окаменевшие, словно восковые фигуры, стоят друг напротив друга.

Вспышка. Они оживают.

Она. Страх... парализует... меня душит по ночам некто или нечто... у него странный оскал! И я не вижу этого оскала, но чувствую, всем существом ощущаю этот странный оскал.

Он. Но...брр... это...

Она. Я и сплю и не сплю - состояние пограничное между сном и явью. При этом я понимаю, что я все еще во сне и мне срочно нужно проснуться, чтобы закончился этот кошмар. Я пытаюсь проснуться и так долгое время... Несколько ночей назад я решила прекратить со сном-стала ездить в ночную библиотеку, где мы и познакомились...

Он. Подожди, а давно это началось? ...И вообще, как же дневные репетиции?..

Она. Какие репетиции - я же не живу в этой стране, я уже вообще не знаю, живу ли я в какой-нибудь стране!..

Он. Хм...

Она. После прочтения первых глав, я поняла, что устала бояться и сопротивляться силе, противоположной страху. Через историю про первую жену Булгакова, Татьяну, я вдруг поняла...

Она задумчиво подходит к окну. Вдруг резко отбегаем от окна и опять медленно возвращается к окну.

Нет, я ничего не понимаю. Я теряю контроль над ситуацией, теряю очертания себя... Я будто сплю наяву... Я думала, что могу управлять ситуацией и просчитать ход игры... Но потеряла баланс, так происходит во сне: ты куда-то идёшь и знаешь куда тебе нужно прийти и вдруг... вещи перестают быть тем, чем они являются, ты начинаешь забывать как управлять своим шагом, происходит раскоординация, раскоординация в мыслях, в движениях, дезориентация в пространстве... и вдруг какой-нибудь коллапс и твоё сознание не в силах вынести этого и тут спасительная мысль-соломинка: это сон... Вот, окно... Ты помнишь, что твоя квартира находится на шестом этаже, и вдруг вот смотришь и видишь, что этаж первый!

Он медленно идёт к ней

Он. Тебе нужен покой. Пойдем отсюда. Посмотри, вон как светит луна, пойдем туда...

Она (*отстраняется от него*). Сейчас я возьму твои рукописи, и мы с тобой пойдем, пойдем... (*уходит*).

Он подходит к окну. Вдруг резко отбегаем от окна и опять медленно возвращается к окну.

Звук грома, дождя, резко отрывающегося окна. Начинают летать рукописи...

Затемнение

Картина восьмая

Вспышка света - за столом Булгаков и Федор Андреевич.

Федор Андреевич. Почему же вы не хотите согласиться?

Булгаков. Не хочется...

Федор Андреевич (*дрожит голос*). Ну... ну, ну, вы же не понимаете. Я не сделаю этого, я не писатель и нет ни одного советского писателя имеющую смелость, и репутацию... Вы же хоть, ну хоть это же вы понимаете. Вы же, вы же должны спасти театр. Понимаете?

Булгаков. Нет...

Федор Андреевич. Что же я должен сказать, я не знаю, какие слова сейчас сказать. Скажите, какие слова я должен сказать! Ну пожалуйста, не мучайте вы меня. Я должен что - то сделать?

Булгаков. Да, вам пора идти...

Федор Андреевич падает на колени.

Федор Андреевич. Ну, что я должен на колени встать? Я встану и мне ни сколько не стыдно перед вами. Простите меня, а? Можете?... Вы человек не злой... Вы же все понимаете... И знаете... Знаете!

Федор Андреевич достает из чемодана документы о Сталине.

Булгаков. Я никогда не пойду на это, мне это невыгодно делать, это опасно. Я знаю все наперед, что произойдет. Меня станут "травить" и я даже знаю, кто: драматурги, журналисты...

Федор Андреевич. Театр гибнет — МХАТ! Пьесы нет. Театр показывает только старый репертуар. Он умирает, и единственное, что сможет его спасти, это современная замечательная пьеса... Ну?...

Булгаков. Что я могу поделать?

Федор Андреевич. Вы же ведь хотел писать пьесу о Сталине...

Булгаков. Вы забыли, как требовали с меня возвращать гонорары? Как вынуждали меня сутками сидеть и переписывать пьесу? Над последними картинами «Дни Турбиных» 15

человек стояли и сочиняли. Вы забыли? И я узнал об этом самый последний, и меня просто поставили перед фактом...

Федор Андреевич. Я не виноват...

Булгаков смотрит на Федора Андреевича.

Федор Андреевич. Мы же смогли это сделать...

Булгаков. Всё это в прошлом, я забыл все и простил. Но писать не буду...

Федор Андреевич. Я прошу вас в последний раз...

Булгаков. Нет, нет, и материалов у меня нет...

Федор Андреевич. Все, есть, есть!..

Федор Андреевич достаёт из портфеля документы и книги

Федор Андреевич. Дирекция МХАТ писала письмо правительству. Ответ был получен на следующий день. МХАТу предоставили исторические документы. Большая книга "Батумская демонстрация 1902 года", выпущенная с предисловием Берии. Я все привез...

Булгаков. Это все?

Федор Андреевич. Я еще привезу. Вы скажите, что вам нужно...

Булгаков. Всё, можете идти...

Федор Андреевич встает и собирается уходить, останавливается у двери и оборачивается.

Федор Андреевич. Я еще должен вам кое-что сказать...

Федор Андреевич возвращается, и присаживается за стол...

Федор Андреевич. Вы знаете, Михаил Афанасьевич, вам надо осторожней быть с Еленой Сергеевной...

Булгаков. Федор Андреевич, вам не кажется, что вы очень много уже себе позволили и сейчас уже не следите за словами...

Федор Андреевич (*говорит шепотом*). Вы знаете, я все равно скажу. Сестра Елены Сергеевны... Ее сестра работает на НКВД. Вы должны понимать, какому риску я подвергаю себя и свою репутацию сейчас.

Булгаков. Идите...

Федор Андреевич. Я пойду... И больше не приду. Вы должны помнить о том, что я сказал... У вас правительство много крови выпило и я хочу, чтобы вы просто были осторожны...

Федор Андреевич уходит. Булгаков начинает копаться в бумагах, неожиданно входит Елена Сергеевна.

Елена Сергеевна. Федор Андреевич приходил?

Булгаков. Да...

Елена Сергеевна. Опять что - то произошло?

Булгаков. Ничего не произошло. Просто надо взяться за работу о Сталине.

Елена Сергеевна. Ты, что с ума сошел?

Булгаков. Да, я тоже так подумал. Они решили, что пришло время как раз для написания этого произведения.

Елена Сергеевна. Ну, есть советские драматурги. Что они хотят? Почему опять ты? Что им нужно?

Булгаков. Лен, знаешь, запиши это в своем дневнике: сегодня приходили из МХАТа и предложили писать пьесу о Сталине...

Елена Сергеевна. Так ты согласился?

Михаил Афанасьевич подходит и обнимает Елену Сергеевну.

Булгаков. Нам нужно съездить в Тифлис. Там я начинал писательскую деятельность, ты знаешь. Сейчас, наверно, придется повторить всё сначала... Видимо пришло время опять...

Елена Сергеевна. Я читала в прессе, что Сталин был тесно связан с царской тайной агентурой... Нет, я даже говорить об этом боюсь...

Булгаков. И поводом для таких дискуссий журналистов послужили его повторявшиеся удачные побеги из ссылок... Я знаю, что Сталин работал на Ленина и Николая второго. И что в итоге...

Елена Сергеевна. Мне кажется, у тебя есть возможность отказаться... Иначе, ты не допишешь наш роман...

Булгаков (*смеется*). Ты так рассуждаешь, будто у меня есть выбор... Они не отстанут... Завтра объявится вторая компания, потом начнутся ультиматумы, угрозы в мой адрес... И мы не можем в нашем положение метаться...

Елена Сергеевна. Ну что делать с романом? Ты решил его бросить...

Булгаков. Я обязательно его закончу...

Пауза

Елена Сергеевна. Я тебя понимаю...

Булгаков. Спасибо, Лен... И запиши все это в дневнике, все что было... Тебя они не тронут, я знаю... После изъятия моих дневников, мне больше нельзя их вести...

Елена Сергеевна. Я все поняла, я все поняла...

Затемнение

Картина девятая

Он. Этаж первый... Я будто сплю, но сплю наяву... (*Задумывается*) Не зря разные философы часто поднимали вопрос о реальности или иллюзорности внешнего мира... Платон, Декарт, Шопенгауэр...

Нервно ходит

Высшая реальность, открывающаяся при вспышках озарения, описывается понятием... мечта, грёза, сон. И в этой реальности осуществляются желания, не реализованные в действительности!.. Кажется, я весь горю... Воздуха! (*Уходит*).

Появляется Рудольф, садится за пианино и начинает играть вальс из Фауста.

Рудольф. Сон - это брат смерти (*усмехается*). Да-да, это явления одного порядка, а различаются они лишь тем, как они относятся к смертным — отпускают ли или удерживают навечно.

Продолжает играть

Хм, родство сна и смерти утверждается ещё в античной традиции... В античной мифологии, сон воплощается в образе бога Гипноса, сына Ночи и брата Смерти, Танатоса. Наиболее хорошо описано Овидием в "Метаморфозах" жилище сна...

Он (*возвращается*). Послушай, я всё обдумал... Сон, как продукт человеческого духа, может быть соотнесён с другими видами духовной деятельности человека — с искусством, творчеством, поэзией... (*в недоумении останавливается*).

Рудольф перестаёт играть, но продолжает сидеть за пианино, не поворачиваясь к нему.

Рудольф. Говорил я ей, что нужно сделать решетку на балконе... Первый этаж... Проходной двор... Квартира-музей (*смеётся*).

Он стоит, замерев.

Рудольф. Идите. Мне она показывала ваши рукописи. Пусть они будут у меня... Я подумаю... Может поставлю по ним эдакую... театрализованную экскурсию с элементами спиритического сеанса... Пустим трамвайчик по Москве... Экскурсоводом будет сам Булгаков... Хм, хм... А я признаться люблю общественный транспорт, ха-ха... Особенно после того, как меня там называли дьяволом (*смеётся*). «Уступи место, дьявол!»

Он. Вы же, вы же... Вы же... Ну, да... Режиссер...

Рудольф. Я – режиссёр (*смеётся*).

Он. Где она?!..

Рудольф. Её нет.

Он. Как?..

Рудольф. Так. А вы, если сейчас не уйдёте, я вызову полицию.

Он. Куда она делась, что вы с ней сделали?.. Я..

Рудольф. Успокойте... Впрочем, можете не успокаиваться (*Звонит*). Алло, полиция? В мою квартиру проник незнакомый человек. Он кажется ненормальным. Он считает себе Булгаковым. Адрес? Да, да... квартира 50. Жду.

Он (*подходит к Рудольфу*). Где она?!

Рудольф. Есть такая пещера в Киммерийской земле, где "царят вечные сумерки и откуда вытекает родник забвения. Родник, вытекающий из жилища Гипноса, даёт начало реке Лете — "реке небытия и беспамятства".

Он приближается к Рудольфу, тот показывает ему рукописи

Ваши рукописи отдала мне. Ей, собственно, эти рукописи за этим и были нужны, чтобы показать их мне. Я, как настоящий романтик, страстно увлечен мистикой... Ха-ха... Мне, признаться, особенно близок основной принцип романтизма, принцип двоemiрия, двойственности человеческой природы, которая происходит ещё от грехопадения... Итак, я ещё тот мистик! Я только в мистику и верю...

Он. Подождите, так вы тот режиссёр из Нью-Йорка, который поставил спектакль без слов?..

Рудольф. Я тот, кто как тень всегда с нею... Я неотъемлемая часть её, от которой она не может избавиться... С кем бы она не общалась, она ведёт диалог со мной... Наедине с собой она этот диалог продолжает... Её диалог со мной бесконечен... Кто кого преследует: она меня или я её - вопрос философский... Только вам нет места в её жизни-всё место занимаю я. И, кстати, она у меня даже и не спрашивает, знаю ли я, что занимаю всё место в её жизни или хочу ли сам этого... Не спрашивает. Женщины-они такие... сами делают выбор... Сами и страдают от своего выбора... Идите. Вы сделали своё дело. Ваши рукописи сделали своё дело. Ваша функция выполнена. Всё. (*Продолжает играть вальс*) Как только я доиграю вальс из Фауста, за вами приедет полиция. Выбор за вами: уйти ли мирно или с помощью полицейского, с которым Вы уже познакомились на спектакле (*смеётся и громко играет*).
Затемнение. Дым.

картина десятая

Булгаков лежит в кровати. За столом сидит Елена Сергеевна с рукописями.

Елена Сергеевна. Федор Андреевич, приходил...

Булгаков. Ты почитай мне мой роман. Ты знаешь, я думаю, у нас еще есть время, чтобы поработать...

Елена Сергеевна. Может, Белозерской позвонить...

Булгаков. Лена, нам нужно закончить еще несколько картин...

Елена Сергеевна. Может, нужно Татьяне написать?

Булгаков. Поздно...

Елена Сергеевна. Ничего еще не поздно, ты хотел попросить прощение у неё... Ты должен жить.

Булгаков начинает стонать в кровати и вертеться.

Елена Сергеевна. Я опубликую твой роман. Ты слышишь?..

Булгаков. ... Сейчас такое чувство, что идешь во след своим героем, но то и дело оборачиваешься...

Елена Сергеевна. Не надо было никуда ездить...

Булгаков. ...Забавная история. Проводница объявляет, что поезд стоит две минуты... И в вагон врывается почтальон и орет: Бухгалтер! Срочная телеграмма для Бухгалтера! Я сразу все понял... «необходимость в поездке отпала, срочно нужно возвращаться в Москву»... Он сам мне подписал смертный приговор. Пахнет покойником... пахнет покойником, пахнет...

Елена Сергеевна. Прекрати!

Булгаков. Поговори со мной... Не уходи...

Елена Сергеевна. Миш, я никуда не уйду...

Булгаков. Сейчас надо собраться с мыслями. Вчера я представлял Константина Сергеевича с огромной чашей крови, которую он у меня выпил за все это время...

Елена Сергеевна. Миша, ну что мне с тобой делать. Ну с какой кровью? Он же умер...

Булгаков. Как?

Елена Сергеевна. Три года назад. Театр писал правительству просьбу помочь нам...

Булгаков. Поздно. Ничего не изменишь, ни «Дни Турбиных», ни «Мольер», ни «Багровый остров»...

Елена Сергеевна. Не говори так... Не говори!

Булгаков. А все... хорошо было... Знаешь, я понимаю, что такое счастье, это вот сейчас находиться в окружении любимых людей... вот так, лежа на кровати... Плохо мне и радостно... Почитай мне дневник, милая моя...почитай...

Елена Сергеевна берет в руки дневник.

Елена Сергеевна. Затаенная мечта: выйти на аплодисменты публики. Я во сне видел свою длинную шатающуюся фигуру с растрепанными волосами, которая стоит на сцене, а благодарный режиссер кидается ко мне на шею и обцеловывает меня буквально под рев восторженного зрительного зала.

При возобновлении «Дни Трубиных» занавес раздвигался двадцать раз, все время кричали «автора!», я всё не выходил... Французы говорят, что нам дарят штаны, когда у нас уже нет задницы...Что еще желать, я все получил: славу, деньги...

Булгаков. В романе "Мастер и Маргарита" надо добавить: "Нет, поздно. Ничего больше не хочу в жизни". Слышишь?

Елена Сергеевна быстро записывает.

Булгаков. Господи, помоги мне закончить роман... И что же под стопкой бумаг? Роковая история о Понтии Пилате... Сюжет о том, как Понтий Пилат решает спасти Иешуа Га— Ноцрия от смертной казни. Дело Га— Ноцрия колоритно наполнено ложью и обманами. И всем это понятно. Пилат, разговаривая с арестантом, понимает, что осужденный, как никто другой рассуждает о нравственном ужасе. О том, что пропадет власть и начнется новая жизнь, где не будет лжи, предательства... Понтий Пилат подписывает все-таки смертный приговор Га Ноцрию. И затем пытается оспорить. Внутри Пилата волнения, от того, что он что-то не дослушал или как - то недопонял этого арестанта. Трижды Пилат ходатайствует за Га— Ноцри и трижды получает отказ от первосвященника. Пилата беспокоит, что он оказался абсолютно ни в праве решать его судьбу. Он понимает, что-то еще управляет этим миром. И то, что должно произойти, то и произошло. Пилат ждет прощения и расплаты... О боже, что я говорю, уже не одно издание не возьмется печатать такое! Их просто закроют, арестуют, объявят сотрудников в розыск и всё! Я что, так и не научился понимать, в какой стране живу?

Елена Сергеевна. Миша, все получится, я обещаю...

Булгаков. Страх должен чувствовать каждый человек, иначе никак...Пушкин говорил, "пишу для себя, а продаю за деньги". Ну что я, в самом деле. Не для нашего времени это все... Плохой у тебя муж...

Елена Сергеевна. Не говори так, не говори...

Булгаков. Я допишу роман...

Елена Сергеевна. Безусловно, мы это сделаем. Я обещаю.

Булгаков. Пиши, Люсь...

Михаил Афанасьевич диктует, Елена Сергеевна пишет. На сцене появляется дым...

Булгаков. И мастеру казалось, что слова Маргариты струятся так же, как струился и шептал оставленный позади ручей, и память мастера беспокойная, исколотая иглами память, стала потухать. Кто-то отпускал на свободу мастера, как сам он только что отпустил им созданного героя. Этот герой ушел в бездну, ушел безвозвратно, прощенный в ночь на воскресенье сын короля-звездочета,

жестокий пятый прокуратор Иудеи, всадник Понтий Пилат.

Елена Сергеевна. Я записала.

Булгаков. Извините, не могу больше беседовать, нам пора. Он швырнул свой браунинг и выбил оба стекла в окне. Затем он плеснул вниз бензином, и этот бензин сам собою вспыхнул, выбросив волну пламени до самого потолка. Загорелось как-то необыкновенно, быстро и сильно, как не бывает даже при бензине. Сейчас же задымились обои, загорелась сорванная гардина на полу, и начали тлеть рамы в разбитых окнах. Кот спружинился, мяукнул, перемахнул с зеркала на подоконник и скрылся за ним вместе со своим примусом. Всё, Люсь...

Булгаков, после восторженных криков "Пожар, пожар, горим", как то странно замолкает и уходит в себя. Елена Сергеевна еще несколько секунд ждет продолжения

Елена Сергеевна. Хорошо. Я пишу...

Сцена погружает в дым.

Елена Сергеевна. Начал беспокойно двигаться в 16 ч. 10 минут. Было несколько сильных судорог, от которых снова страдальчески изменилось его лицо, и он дважды заскрежетал зубами. Когда судороги кончились, начались сильные предсмертные крики. Пульс упал, стал неровным, еле слышным. 16 часов 39 минут. Миша умер...

Дым исчезает, Елена Сергеевна плачет. Звонит телефон.

Правительство, Миш... (*Поднимает трубку*). Да, он умер. (*Отстраняет трубку*) Положили трубку...

Елена встает над кроватью, где лежит Михаил Афанасьевич.

Елена Сергеевна. Роман еще не закончен...Мой мастер, мы будем вместе, я опубликую, я тебе обещаю...

Картина одиннадцатая

Он спит, склонившись над рукописями. Появляется она и садится чуть поодаль от него. Он просыпается, смотрит в свои рукописи, смотрит на неё и убирает листы бумаги

Он. Кто-то сказал «жизнь - есть сон. Проснитесь, наконец!» ... Так вот, я, кажется, проснулся.

Она. Так какой финал последней главы?

Он. Булгаков диктует Елене Сергеевне роман «Мастер и Маргарита» и засыпает... Ему снится сон.

Она. Значит финал открытый, потому что сон ему снится, возможно, по сей день... И что ему снится - загадка...

Он. Да, если сон – это брат смерти, то он снится ему, возможно, и сейчас... Всё. Пойдём отсюда, из этого мира теней на улицу!

Она. Да, там солнце и май!

Он. Май – мой любимый месяц. Жаль, что и он пройдёт, ведь всё проходит...

Она. Май никогда не пройдёт. Мы же проснулись. Уходим...

Он. Всё проходит... Ничего не проходит.

Уходят. Рукописи разлетаются по сцене, появляется дым...

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

картина первая

Сон Булгакова

Темнота. Вспышка. Татьяна Лаппа берет какую-то записку, читает, думает.

Татьяна. Большевики подходят

Вспышка. Неожиданно Булгаков оказывается в комнате. Татьяна кидается к нему.

Татьяна. Ну, конечно, ты!

Булгаков (*старается отдышаться*). Ну все, я дома...

Татьяна. Ты живой?

Булгаков. Кажется, я...

Татьяна. Что?..

Булгаков. Заболел.

Булгаков снимает рубашку

Татьяна (*смотрит на рубашку*) Насекомое!..

Булгаков. Главное тифом не заболеть...

Булгаков ложится в кровать. Таня его укрывает бараньим полушубком.

Булгаков. Тяжело. Лень руки поднять. Вот бы протянуть руку, взять порошок с аспирином, и не могу.

Татьяна (*кричит*). Термометр!

Булгаков. Ах, терпеть не могу!.. Ничего у меня нет...

Татьяна. Боже мой, боже мой, бо— о— же мой! Тридцать восемь и девять... да уж не тиф ли, чего доброго? Да нет. Не может быть! А если тиф?! Какой угодно, но только не сейчас. Это было бы ужасно...

Снова вспышка и Темнота. Появляется незнакомый человек из темноты. Он начинает говорить каким— то уставшим голосом.

Незнакомец из темноты. Сегодня ночью ингуши будут грабить город...

Булгаков. Ка-кая разница?

Незнакомец из темноты. Как какая? Впрочем, вы ведь не знаете наших нравов. Ингуши, когда грабят, то... они грабят. А осетины грабят и убивают...

Булгаков. Всех будут убивать?

Незнакомец из темноты. Какой вы странный! Не всех...

Незнакомец тихо подходит к Булгакову

Булгаков (*останавливает приближение незнакомца*). Нет-нет!.. Не надо! Прошу, не требуйте от меня ничего! Я не могу ничего написать из туземной жизни, ни революционного, ни контрреволюционного. Я не знаю их быта. И вообще я ничего не могу писать. Я устал, и, кажется, у меня нет способности к литературе.

Незнакомец из темноты (*в тон ему отвечает*). Вы говорите пустяки. Это от голоду. Будьте мужчиной. Быт — чепуха! Я насквозь знаю быт. Будем вместе писать. Деньги все ваши.

Булгаков (*ощупывает незнакомца*). Люблю творить! А это не сон?

Незнакомец из темноты. Всё, как оно есть.

Затемнение. Дым.

Картина вторая

Пространство заполняет яркий свет

Михаил (*читает*). Действующие лица: незнакомец из темноты, он же Рудольф...

Михаил быстро собирает свои рукописи, сворачивает их. затем быстро включает свой планшет

Елена. Что ты делаешь?

Михаил. Удаляю. Пора удалять все лишнее. Послушай, я должен тебе кое-что сказать... (*начинает нервно ходить из угла в угол*). Я вчера перед твоим спектаклем ходил к священнику, чтобы взять благословение на публикацию романа... Так он мне сказал, что нужно все сжечь. Да, так и сказал. Сжечь. Ну, понимаешь, такой материал... Жизнь и творчество Булгакова... Мистика... Я собирался с тобой посоветоваться, ведь я это делал ради тебя, но сейчас, после того, как я прочитал написанное тобой, понимаю, что нужно, да, всё взять и сжечь. Пора завязывать с мистикой. И с Рудольфом.

Елена. Сколько сейчас времени?

Михаил. Уже солнце всю светит, мы читали всю ночь... (*смотрит на часы*). Полдень!

Елена. Всё. Он уже улетел.

Михаил. Кто улетел?

Елена. Рудольф улетел. Гастроли его подошли к концу.

Михаил. Вот и пусть там бродит по Америке, нечего ему в России делать. Всё. Я все файлы удалил. Пойдем это сожжем где-нибудь в безопасном месте! И пойдем после в библиотеку...

Елена (*смеется*). Рукописи не горят.

Михаил. Давай пойдем в библиотеку и начнем все заново! Заново будем разрабатывать идеи, писать!

Елена. Ты даже заикаться перестал!

Михаил. Мне с тобой даже молчать хорошо... И хорошо ещё, что май не вечен...

Елена. Да... несчастье-лживый сон/ Счастье-пробуждение....